

ЛЮДМИЛА СУРОВА

О МОСКВЕ
И О РОССИИ
ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

ЛЮДМИЛА СУРОВА

**О МОСКВЕ
И О РОССИИ**

**ИЗБРАННЫЕ СТИХИ
1967 – 2017**

МОСКВА
2019

УДК 84(2Гос=Рус)5-6
ББК 881.161.11
С 90

В книге использованы репродукции картин, рисунков и гравюр народного художника РСФСР Андрея Дмитриевича Гончарова (1903–1979). Автор благодарит Наталию Андреевну Гончарову за предоставленные материалы.

С 90 **Сулова Л.В. О Москве и о России. Избранные стихи 1967–2017.**
М.: ИП Симагин Д.В., 2019. – 280 с.
ISBN 978-5-9908620-9-8

Новая поэтическая книга Людмилы Суловой – это избранное, объединённое не столько идейно-патриотической темой, сколько внутренним чувством русского мира, переживанием земли, эпохи, народа и языка. Книга охватывает 50-летний период нашей жизни. По разделам она выстроена в обратном хронологическом порядке: стихи в начале книги датируются 2017 г., в конце – 1967 г.

Тематически и ритмически книга очень разнообразна, автор откликается на события времени и сердца, стремится отразить их в созвучных традиционных, фольклорных и свободных поэтических формах.

Изобразительный ряд книги представлен работами народного художника А.Д. Гончарова (1903–1979). Образная полифония стихов и живописи создают особое духовно-художественное пространство произведения.

Любителям поэзии книга должна быть интересна как образец современной московской культуры.

ISBN 978-5-9908620-9-8

© Сулова Л.В., 2019

Предисловие

Михаил Александрович Дмитриев в предисловии к своим «Московским элегиям» писал: «В отдельности я их публиковал ранее, но это неверно, эти стихи представляют собой нечто цельное, и печататься и читаться они должны именно вместе, как единое произведение». Подобное, наверное, можно сказать и о нашей книге. Она писалась почти 50 лет, ибо тема Москвы и России всегда была внутри сердца и вырывалась в разные времена в разных формах, размерах и интонациях. Это — и выборка из всех книг, и единая полифоническая поэма, развёрнутая во времени и пространстве. Она должна открыть не столько внешний, сколько внутренний образ России, дать наш способ переживания мира, жизни, человека и языка.

В эти 50 лет происходили небывалые исторические события: менялась страна, люди, их ценности, взгляды, чувства. Всё это нашло отражение в стихах — мы получаем как бы вести с передовой нашей недавней истории. Ритмы времени застыли в образах, которые ещё не исчезли с перекрёстков нашей жизни, но лишь отошли в тень.

Правда времени, как всякая правда, неудобна, некомфортна для обывателя, и потому иногда она побуждает к косноязычию, заставляет избегать красоты, как лжи; в иные же периоды мы слышим спокойные звуки наших песен, задорность частушки, напряжённую тягучесть дум. По сути, образы и ритмы книги являются художественным свидетельством внутренней истории страны, переживаний народа, жизни его языка. И в эту правду мы вступаем от сегодняшнего дня.

Стихи в начале книги, в сюите вступления, выстроены по принципу контрапункта, дыхание одной темы, ещё не

иссякнув, на пике разрывается новым звуком, рождая острое чувство противоречия, — таковы были эти годы. После программного зачала стихи идут по циклам в обратной хронологии: сначала написанные в 2017 г., в конце книги — в 1967 г. Как по ступеням мы спускаемся в наше недавнее сердечное прошлое, которое, может быть, и пытаемся забыть.

Несколько слов о художественной концепции книги, об её изобразительном решении. Мы ввели в стихотворный ряд живопись и немного графики народного художника РСФСР Андрея Дмитриевича Гончарова (1903–1979). Представленные работы, в основном портреты, не являются иллюстрациями к стихам — они созвучны им по своему внутреннему ритму, по высокой простоте образа, ясности и правдивости, которые так нужны нашему сердцу. В них не только видна, но слышна эпоха: композиции, ракурсы открывают нам сокровенное о том особом русском времени, в котором они создавались. Человек предстаёт здесь не в вихре своих личных эмоций, а лаконично: он серьёзен, собран в духовно-эпическом пространстве жизни — всё здесь значимо и требует труда сердца.

Образная полифония стихов и живописи создаёт уже новое художественное произведение, и в нём мы ощущаем вкус той московской культуры, которая всегда жила аристократизмом и широтой. Вот чем продиктован наш выбор! Мы узнаём себя в этих портретах, узнаём свою любовь, свои думы. Картины, как жильцы, населяют книгу, где-то они слушают, где-то говорят — и везде помогают нам читать. Чтобы не нарушать этого скрытого диалога, не разделять слово и образ, названия работ мы вынесли в конец книги. Пусть живые и ушедшие, как новые знакомцы, встречаются друг с другом на наших страницах ритмами, думами и сердцами, пробуждая и нас к жизни и к серьёзному творчеству.

В Москве не царь, в Москве Россия.

А.С. Пушкин (ПСС, 1937 г. II, 711, 715)

Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!

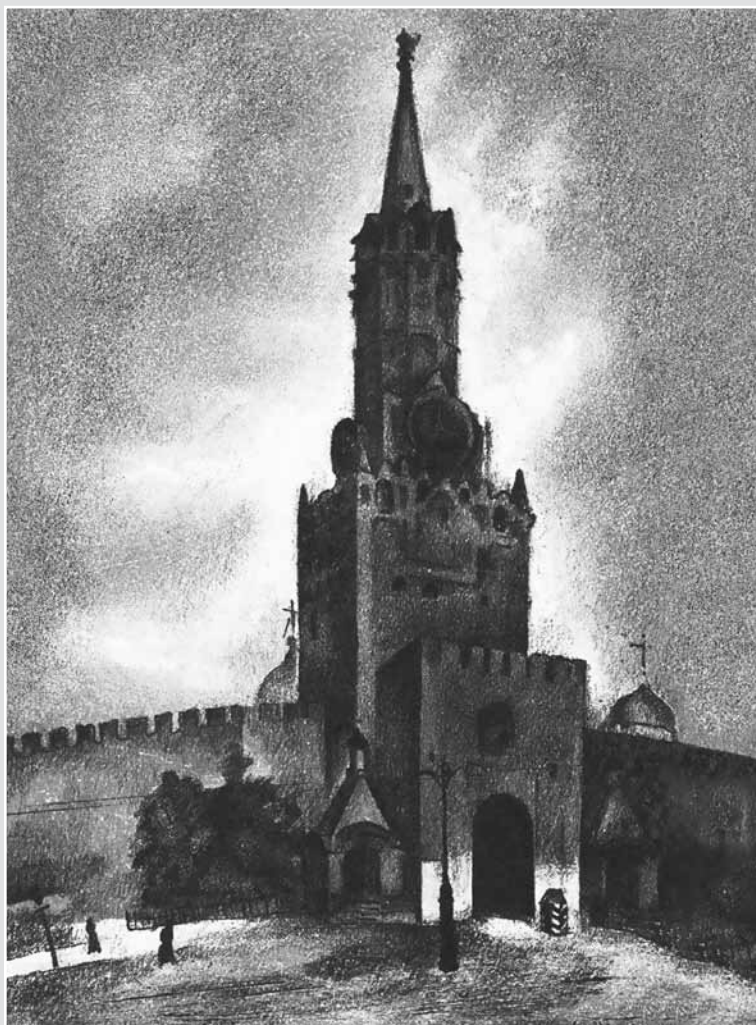
М.И. Цветаева

Но ложимся в неё и становимся ею,
Оттого и зовём так свободно — свою.

А.А. Ахматова «Родная земля»

ВСТУПЛЕНИЕ

* * *

Красавица моя, как за угол зайдёшь.
Да как откроются по Яузе мосты,
Заходится душа: неужто ты уйдёшь,
С лица земли неужто сгинешь ты?

Твои холмы торопятся срастись,
Ходами до Кремля изрезано преданье,
И Пушкина, и Лермонтова зданье
Воздвиглись здесь,
в тебя, как птицы, ворвались.

Хоромы площадей с незавершённым сводом,
И улиц, улиц перелесок, перебой.
И барский дом, всем греческим народом
Готовый выступить, как только грянет бой.

О пылкий дух Отечества святого!
Не в блеске куполов его душа,
А в милости сердец, не наказует строго
И тех, кому судьба не хороша.

И думать не велит о чужаке худого,
Засмотрится на даль в берёзовой тоске
И будто спит, иль повторяет слово,
Утраченное в новом языке.

10–17 декабря 2008 г.

* * *

Нашу Москву созидала не сила, не власть человека!
Наша Москва родилась, и жила, и росла, как живая...
М. Дмитриев «Семисотлетняя Москва», 1845 г.

Боже, как она хороша!
Как умеет она повести плечом
И на руки ветра стряхнуть
Высочайшей пробы
Золотую листву клёнов!

Знает, как изогнуть мосты,
Как провести их один под другим,
Связать, сцепить,
Так чтоб глазу не выбрать,
Куда ему прежде скользнуть!

О! ей не прямые линии правят!
Здания между собой дружат,
И естественным хаосом встречи
Первоначальный, задуманный строй
Нарушают и так растят свои стены,
Что они углов не хранят,
Привычных для храмин.

То кораблём остромысым
Выглядывают на перекрёсток:
Не идёт ли дружок?
То распахнутся веером, зазывая во двор,
Или, смутившись, скруглятся вдруг

Пред флигельком графским иль княжеским,
Притаившимся здесь, как барчонок у липы:
Отбежал от няньки, глядь –
На дворе уже время другое.

А уж лепится к небу она
Как ремесленная, как живая картинка
Синеблузников-акробатов:
Схватились, вскарабкались, замерли, –
аплодисменты!

Голову повернул – рассыпались,
Или это другие?
И в новом танце застыли,
В новой жизни друг с другом!

...И разрубленная, она помнит себя!
И единого-то уголка довольно ей,
Чтобы грани перемешать,
Как русскому нужно духу.

Глубо́ко сокрыт он,
Не раз и не два погребённым его считали,
Но ступишь на землю чужую,
И свою слышишь, слышишь!
И не иссякнет она! Не прейдёт! До последнего,
До обещанного нам гласа!

Только платить за неё в конце
Не придётся ль нам кровью?..

15 октября 2012 г.

* * *

Москва Россию предала.
Желает быть столицей мира,
И вызолотить купола
Зовёт пришельца аж с Памира!

Глава, отрубленная карлой,
Во поле брани спит-храпит,
И кости русские хранит,
Живых стращая лютой карой.

Наедет ли Руслан боец,
Чтоб милый людям град избавить
От карлы, что намерен править
Всем миром, иль ему конец?

Писавши это в двадцать лет,
Не ведал наш поэт великий,
Что съдут с рукописи лики
И сказочный нам явят бред!

Вот так-то «перья грызть», браток!
Слова, как рыбки, в сети ловишь
И судьбы Божии готовишь
К свершенью – очередью строк!

23 января 2010 г.

* * *

Все ждут дождя, а он ждёт, видно, ночи,
Чтоб барабанить в крышу что есть мочи,
Чтоб лить без соглядатаев и спросу,
Кювет наполнить, забытую проржавить косу,
И землю целованьем молодить,
И речку молотить и молотить.

Как мотыльки снуют под лампой на крыльце!
Не вечная, но память об отце,
Тесал с охотою фигурные столбы,
Лишь бы дочурке в радость – в счастье бы!..
Но обходило счастье стороной,
Но и несчастья не знавали зной.

Разве полуденный, июльский, трудовой,
Когда – машин, когда – и сердца вой,
Разве теснотами всечасно тяготясь,
Свободой мучились, у классиков учась,
И примеряли их дворянские слова,
И кругом шла иной год голова.

Теперь, перед дождём, перед грозой,
Разлиты запахи богатою лозой,
И дышит вечер нового обряда,
И ничего уж от земли земле не надо,
Лишь человека чтит, его словесный сан:
Не противоположит он небесам.

Май 2009 г.

* * *

Почти что лысый бугор.
Моя собака Егор.
И я с полбуханкой хлеба –
Всё это на фоне неба.

А земля пока голодна.
Чёрные кусты не густы.
Только-только приказали снегу – теки!
И пошли ползти букашки-люди-лютики...

* * *

Бабушкин верстак много знает.
За него отдали корову.
Его везли на телеге
Совсем из другой деревни.

С него сметали опилки,
Протирали сухой тряпкой...
А теперь он стоит без дела,
В холодном стоит хлеву.

Кружка молока
Стружка
Обвита вокруг пальца
Пяльцы
Ришелье заканчивает мама
И полна крапивы
оказалась яма.

1986 г.

* * *

Дождь принимался восемь раз,
Ходили тучи крúгом,
И куст сирени, накреньясь,
Глядел на них с испугом.

Как будто сумерки сошли
В полдневный час с небес,
Качались мальвы и сочли,
Что куст сирени – лес.

Вьюнок ограду оплетал,
И гибкий дух его
Завидовать не уставал
Двум мальвам... Ничего

Не замечая на пути,
Дул ветер, тучи гнал –
Начало фразы упустил,
Конец не разобрал.

1976 г.

* * *

Зима. А комнатный цветок,
Забытый всеми, зеленеет.
Стучится в жилках слабый ток,
И тень на скатерти бледнеет.

Зажатый смертной белизной
Сугробов и льняных полотен,
Один, как полоумный Ной,
Он празднует спасенье плоти.

Над ним не властвует закон
Причинно-следственных движений –
И зреет маленький бутон,
Легчайшее из украшений.

Смельчак! Хитрец! Постой, зачем
Ты собираешь кровь в соцветья?
Зиме лежать ещё столетье,
Твой подвиг немощен и нем.

Не лучше ль подождать тепла!
Детей закружат хороводы,
И мёртвые воспрянут воды,
И зелень будет так светла.

Но глух к соблазнам часовой,
В себе взрастивший долг и веру,
Как будто разум мировой
Его последует примеру.

1979 г.

* * *

Пока мы каялись, разрушили страну.
Пока канон учили и молитвы,
Без объявления войны, без битвы
Мы сделались рабы, рабы в плену...

И чем же соблазнились? Что вошло
В сердца и души, что затмило очи?
Сейчас назад посмотреть нет мочи!
Горазды были говорить, и кто во что!

Всё там оставили: и сердце, и труды,
И тот невиданный от века образ русский,
Всё принявший в себя,
и горний путь, и узкий,
Разбивший в небесах для всех свои сады.

И всё-то было больно за чужих,
И все себя теснили, укоряли...
И не заметили, как часового сняли,
Хранящего и мёртвых, и живых.

Куда как весело на пепелище этом!
Куда без нас покатится земля?!
Ведь русским быть, считай, что
быть поэтом —
Забыли, как — у нового Кремля...

18 февраля 2010 г.

Новогоднее

Своей стране я пожелаю в Новый год
Остановиться на путях разврата,
Чтоб брат, а не браток искал объятий брата,
Чтоб поворот произошёл, не «наворот».

Чтоб отвернуться нам достало сил,
Чтоб слух не угашать в речах лукавых,
Чтоб – очи внутрь! За сердцем правых
Чтобы Господь нас правдой воскресил!

Отцам, из пустыни текущим до Москвы,
Желаю полюбить келейные пещеры,
Где Солнцем Правды озарялись вы,
И «стоики» из вас, и малoverы!

Не связывайте рук елейной бечевой
Мужам – какую? где? не сдавшим баррикаду?!
Торгует мужество собой и пьёт в награду,
Да видит ли «священную армаду»,
Что топит мир в пучине заревой?!

Плачь, книжник, над сокровищем веков,
В базарну ночь затопленным водою;
Кострами книжными, как новою звездой,
Эпоху возвестим штурмовиков,

Стирающих лицо с лица земли,
Готовых ко всему, за что заплатят!
Да хватит ли нам слёз? Увы, не хватит
Оплакать свой позор в родной пыли.

Родной, гой, Вавилон да будет нам бичом!
Рабов дворовых учат батогами.
«Но прах святых!.. Он ни при чём!
Он нас спасёт!..» Да он поруган нами...

Далёко отстоят теперь сердца...
Всё высмеял «начальник» сей темницы.
Уста глаголют, нет речам конца.
Но от речей-то нам не возродиться!

Отечество небесное — в земном!
Предав одно, не верен и второму.
Рим сдан, что говорить! Но жив подкидыш Ромул,
Лишь сном объят, великим русским сном.

2008 г.

* * *

На рисовальной бумаге сына
Его серебряным карандашом
Пишу, как горит на бугре осина,
Как калина легла шалашом.

Как ольха за речкой, голым гола,
Чёрные веточки подняла,
Как синица в луче искрится
И в окно со сливы стучится.

Этой Русью утешится сердце, поди,
Только вбок не гляди и вперёд не гляди,
А по лесу, по кругу ходи.

Попадутся, поищешь, опята,
Понаедут на праздник ребята...

Жизнь да жизнь, всюду только она!
И война, что идёт, не видна.

5 октября 2008 г.

* * *

Обочина едет,
Дорога стоит,
В затылок Москва толчётся.
Почти что в песок стоптали гранит,
А в руки звезда не даётся.

Не тех ли молоденьких братьев-солдат
Она златоустая память,
Что землю покрыли, как майский град,
Как цвет небесный, полвека назад,
Да в славу их не обрामить.

Не верили в духов, не чтили креста
Молитв, и подавно, не знали,
Жизнь их была как береста,
На которой приказ начертали,

Не слово любви, а слово «умри»
Вышло с белым лицом,
И вспыхнула береста огнём
Перекрёстным бойца с бойцом.

Теперь помирились они с душой,
С просьбами нам не снятся,
Разве за наш балаган большой,
За нас, как отцы, боятся.

2008 г.

* * *

К 90-летию отца

Распусти мою обиду,
Затянувшую ремень, —
Из неё я в поле выйду,
Где лежит отец-кремень.

Бугорок его цветущий
И могилкой не назвать
Вот уж совесть был имущий,
Можно и Христа не звать!

Отродясь как будто ведал,
Где бело, а где черно,
С подлецами не обедал,
Не просил, крестя чело,

Ни подачки, ни поблажки.
Но любил застолья шум,
Захмелев от пенной бражки,
Затянуть ямщицких дум

Стоны, вздохи — будто сам он
В той степи вчера замёрз,
Пока перепутком санным
Нам с тобой Россию вёз.

3 июля 2017 г.

* * *

Клён застыл, берёза, ясень,
Даже лиственница есть
В этом дворике, где нам всем
Посчастливилось присесть.

Клён широк, тонка берёза,
Ясень с ворона гнездом,
Всем открыта наша виза,
Всем Москва как отчий дом!

Кто — за торгом, кто — учиться,
Кто — во власть, кому — жениться!
Всех народов молодцы —
В гости к нам, в сыны, в отцы!
На московских-то хлебах
И звезда горит во лбах!

— Не замай! Пускай играют! —
Бабка с лавочки шумит, —
Может, что и вправду знают,
Вот как складно говорит!

Ну, а нет, пуста затея —
Им Москву не потопить,
Бонапарта, Лорелея,
Сигизмунда-Бармалея
Пропускали, чтоб побить.

Стерпит всё земля столицы,
Как её ни пеленай!
Небом над собой святится —
Иерусалим! Синай!

20 июня 2017 г.

* * *

Не Рим Москва – Иерусалим!
Бой будет здесь, и он ведётся
И русской совестью храним,
Журавль Иакова колодца
Пойт народы в род и род.
...Текут языки всех широт,
Не зная, что влекомы им,
Всех собери, Иерусалим!

Бороться с Ангелом тебе,
Иаков спит в твоей судьбе,
И лестницы небесный свод
От Спасских зиждется ворот!
И вокруг Кремля бежит Кедрон...
Готов? Лети, Армагеддон,
Соборы в злато окунуть,
И людям в злате том уснуть!

Чтоб в землю милую свою
Они в отчаянном бою
Вошли, как те богатыри,
Что встали рано, до зари,
И Русь заставой стерегли,
Пока могли,
Пока могли.

Утешен Бог. Светла страда.
Окончен мук заветных кодекс.
И овнов новые стада,
И золотой Орфея голос
Уже звучит! И как легки
Напевы новых тех скрижалей,
Которые по верх печалей
На землю новую легли!

20 ноября 2014 г.

Твёрдость ли камней твёрдость моя?

Иов. 6, 12

Дождался Иов, вот и нам дожждаться б!
Домучиться, доплакать, достоять!
Друзьям сердечным не внимать,
А просто времени отдаться.

Его шаги неслышны. Всё стоит!
И, кажется, стоять так будет вечно!
О трепет сердца быстротечный,
Как претворить тебя в гранит?!

30 апреля 2016 г. Великая суббота

ИЗ ЦИКЛА
«ПРОЩЕНИЯ
ЧАС»
2017

* * *

Ни слова, о друг мой, ни вздоха.

А. Плещеев

Ни слова, о друг мой, ни вздоха –
Готовит прощения час
Вселенская наша эпоха,
До срока сгубившая нас.

Объяты святым послушанием,
Деревья в Эдемском саду
Раскрыли объятая желаньям –
И мы оказались в аду.

Сияют века и созвездия
Над лаской и плачем любви,
И нежных предательств соцветия
Бросаем охапкой – лови!

О верность, каменоломней
Твой путь из окна предстаёт,
И чем ты честней, тем бездомней
У Божьих твоих у ворот.

Рассеяны в дымке мечтаний,
Из крови готовим побег,
И дети, зачатые нами,
Не узрят Отчизны вовек!

Блуждать им по свету игриво –
Поспеть бы, где будет светать!..
Ах, ищет солдатик огниво,
А в ранце его – благодать.

8 мая 2017 г.

* * *

Мне ли не пожалеть Ниневи, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота?

Иона 4, 11

Ворóнье гнездо пред окном,
И вижу: с начала марта
Чистят они свой дом,
Ревность являя азарта.

Снегу навалит дюже,
Клювом сбивают его,
И вот уже – хвост недви́жим
Среди плетня сего.

Дело Божье творит ежегодно природа!
А как насчёт Твоего, Господь, народа?

Приниче к земле,
Слышишь ли сёрдца их стук?
Не видим во мгле
Ни ног, ведь, другого, ни рук!

Иону заставил жалеть
Несмышленный град,
А тот ведь собрался глазеть
На казнь, на серный Твой град.

Да задал Ты злюке-пророку чрез тыкву вопрос,
И врос он в историю нашу – милостью многой пророс.

Думали – всё: крепки на века и дни!
А как оказались на дне чужой западни,
И себя не слышим,
И земле не внимаем своей.

Бьёт за окном воронёнок крылами, неслышим,
Учится воле Твоей.

18 апреля 2017 г.

* * *

От смоковницы возьмите подобие: когда ветви её становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето; так, когда вы увидите все сие, знайте, что близко, при дверях.

Мф. 24, 32–47

Уж такие мягкие ветви смоковницы стали!
А мы-то думали, воля наша — из стали!

Тиграм немецким не удалось ведь её сломить!
А вот кока-колой деток смогли сманить.

Города не сдавали тогда, сейчас вот отдали заводы,
Годы цеха молчат! Десятилетия, не годы...

Батюшка утешает: на Вербу, на Пасху зовёт.
Неужто и вправду такой ты, Христов завет?

Придумали сказку про Старую Новую Русь,
А девочку вот за порог отпускать боюсь.

* * *

Чьи вы, хлопцы, будете, кто вас в бой ведёт?

Песня о Щорсе

«Недоумок на лавочке,
ну что ты сосёшь молоко из пакета?!
Шёл бы домой,
по-человечески сел бы поел!» –
Сетует мать,
полушубком китайским согрета.
А в детстве как пел он про Щорса,
ты помнишь, как пел!

Пасха холодная снегом летит и дождями,
Не удаётся посеять любовь ей меж нами.

Чуем, звенит ли в кармане, одет ли как след?
Даже и сердце поманит, рванётся вослед,

Да коротки вздохи – выучились считать!
А этому дурню глазеть бы на люд, да галок считать!

Подхватить авоську, а денег не вздумай, ни-ни!
По-твоему, что я, швейцару, что ли, сродни?!

Откуда брезгливость
К тому, что другим добро?

Божья ли милость?
Русское ли утро?

18 апреля 2017 г.

* * *

Слово правды скажем и бежим!
Чувствует народ чужое время:
Мы не честью, жизнью дорожим —
Рядом подрастающее племя.
Чтоб не пасть у колеса арбы,
Пусть не знают, что они рабы.
Может, время повернётся на нас,
Вот тогда и скажем без прикрас.
А пока не спрашивай, сестра,
Боль от поражения остра.

12 мая 2017 г.

Две строфы исторической песни

В день взятия Бастилии, 14 июля,
в Крыму чествуют святых врачей
бессребреников Косьму и Дамиана.

Ливадия – любимица царей,
У ног дворца стихия серебрится,
Террасами дорога к ней стремится –
Не каждому дано пройти по ней.
Не каждому и по садам гулять,
Вдыхать благие кедров ароматы,
Набрасывать заметочки в тетрадь:
Кто принят был, какие траты,
Какие нужды у народа, у казны,
И кто сейчас под стенами страны?
Чарует Крым вином, теплом и светом.
«Как чистенько мон-шер поют дуэтом!..»

В ущелье, в середине лета,
Как будто движется орда,
Куда повозки, бабы, дети,
Татары, казаки – куда?
Кто конный, пеший, все смиренны,
Друг другу руки подают.
Вот он – источник вожделенный!
Он каменный пробил редут –
И в белых водах все омыты,
Не квиты, но долги забыты!
Струи летят светлее света
Две тыщи лет в середине лета.

.....

* * *

Ольгинка – мёртвая зона, местных никого нет.
Землю скупили и застроили сплошь домами,
чтобы сдавать в сезон. Зимой одна еврогостиница
«горит» – для конференций, форумов и прочих
оплаченных забав.

А прежде здесь приморское сельцо
Спускалось вниз уступами цветными,
И валуны катали под крыльцо,
Чтоб защититься от потока ими
Родной речушки, рвущейся в залив,
Дугой раздвинувший искрящиеся горы.
Базарчик тут же был, вино в разлив
И винограда сизые просторы.
О как нас ждали эти берега
Крикливого, с хитринкою народа!
И мы летели на юга,
Где море, солнце и свобода!
И редко кто не улучал
Недельки три пожить в преддверье Рая,
Побыть, посозерцать, играя,
Устройство жизненных начал.
Заведен так был быт ума,
Что жизнь шла под ноги сама.

Апрель–декабрь 2017 г.

* * *

Николаю Тихонову и другим поэтам 20-х

Они писали – как пахали,
как молотом ковали меч!

На подвиг мобилизовали,
не страшно было в землю лечь!

Слова пригоршнею горячей
метали в строки, в пушки, в жизнь!

Смерть куклою ненастоящей
бежала, ни догнать ни в жизнь!

11 апреля 2017 г.

* * *

Д. Симагину

Бесплатно солнце льёт своё тепло
И без процентов раздаёт сиянье
Машинам на капот и на стекло,
И ДПС-нику на обмундированье.
Не взыщет ни с лентяя, ни с бомжа,
Не спросит катехизиса ответы,
Но на Страстной, минутой дорожа,
Спешит свои закрыть у нас обеты –
Всё высушить, прогреть и осветить,
Чтоб Бога было чисто хоронить и куличи святить.

11 апреля 2017 г.

* * *

Избавь меня от руки брата моего,
от руки Исава, ибо я боюсь его.

Быт. 32, 11

Флажок в луче алеет-реет,
Победной памятью святых тревожит.
Герани огненной соцветья множит
И предвещает, что возмездье зреет.
В глубинах сердца, не обманутого веком,
Жив Бог, пришедший Человеком
И разделивший чашу бытия
На... ад и рай, на... ты и я.
И не уйти от встречи брату с братом,
Богатым ненавистью, как любовью богатым.

18 июня 2017 г. День Русских святых

Поминки на Руси всегда крестин важнее.
Родился — и живи, хоть друг, хоть враг.
Когда ж ушёл, ты стал для нас святее,
Стоишь, как Пётр, теперь у Райских врат!

И вот туда мы взоры направляем,
Оттуда счёт у нас часам и дням.
Но мёртвому не льсти! Стыдом сжигаем,
Льстеца он видит, шепчущего нам!

9 ноября 2017 г.

* * *

Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека!
С. Есенин «Пугачёв», монолог Хлопуши

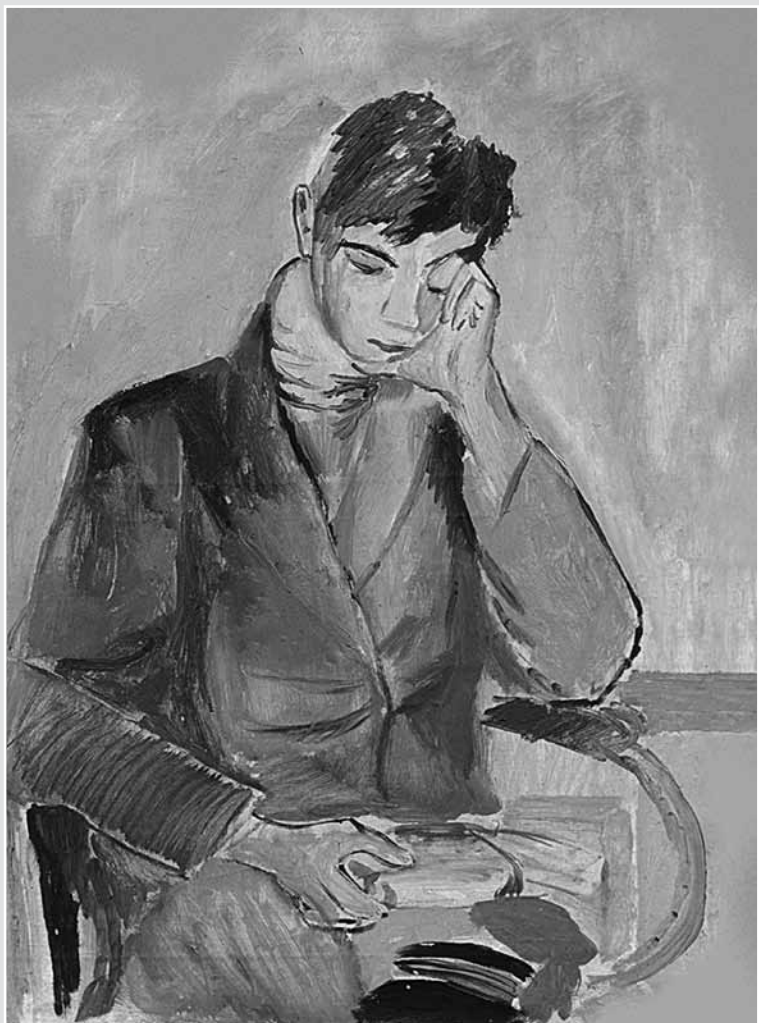
Не шути со словом,
Не зови беду,
В этом свете новом
Света не найду.

Уходя, соседка
Всё людей звала,
Нынче люди редко –
Не прожить без зла.

Всё кричит Хлопуша,
Покажите мне
Человека душу,
Маюсь, как во сне!

25 октября 2017 г.

ИЗ ЦИКЛА
**«ЛЮБИ МЕНЯ,
ГОСПОДЬ!»**
2016

* * *

Не скажешь, русский – какой?
Один – гуляка, другой – скупой,
Этот барин – чванливая спесь,
А этот рыбак нараспашку весь!
Эта матрона домом стоит,
А эта – к дурню благоволит,
Он с утра мастерит звезду,
А дружок ему накинуд узду.
Есть и вояки – любят бой,
Есть и за правду боец святой.
Был народ, как Урал, богат,
Да вот объявился «названный брат»!
И где теперь наш мастеровой?
Вон он – с шапкой на мостовой.
Где земли хранитель – отец?
В дверях казино «Властелин колец».
Ну а взрыватель-шалун-бедокур?
Весь изошёлся на крашенных дур.
Ну а язык-то, кричать чтоб?
Выучили молчать в штоф.
Экий мёрзок на нас напал,
Лет на сорок мёртвый шквал.
А там, поди, родится Пугач,
Пойдёт дурить по гробам вскачь.
Весело, весело на ветру,
Бога повесили на юру!
Лики трепещут, матушка-мать,
Как нам теперь тебя называть?

31 марта 2016 г.

* * *

Мы проиграли все бои!
И каждый смертный бой
Не знали, где у нас свои,
А где у нас чужой!

Мы отступали по фронтам,
По всем, а их не счесть,
И дали взять и тут и там
Любви и правды честь.

Всё думали: «Да как же так?!
Да что они? Совсем?!»
А это был расчёт, дурак,
В науку русским всем!

Не спи, народ! И при вождах
Имей своих стрелков!
Не то окажешься в вожжах,
И скажут – был таков!

Христа за пазухой нести –
Всегдашний бой вести.
Его спасти и мир спасти –
Вставай, народ! Прости! Прости!
Вон, Лазарь! Вон! Свети!

23 января 2015 г.

* * *

Люби меня, Господь, люби меня!
Как любишь Ты леса, моря и горы,
Как светом напояешь косогоры,
Как солнцем движешь дни,
 крепишь просторы, –
Люби меня!

Люби меня в сомненьях и стыде,
В делах дурных и мыслях диких, –
Чтоб от щедрот Твоих великих
Всё паром вышло – пар на борозде...

Люби! Люби! Цветов зажжёт огни,
По всему миру май идёт и сад!
Люби, чтоб, отрываясь от земли,
Мне не хотелось никогда назад!

Люби меня, Господь! И я пройду
Сквозь все приманки и угрозы мира!
Залог Твой – мученица Лира –
Верна любви.

14 марта 2016 г.

* * *

С первого августа дочке неможется.

Арсений Тарковский

Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят царствие Твоё.

А. Блок

Календарь на небе нарисован —
Вот он, август, осени гонец!
Куст ирги синицами поклёван,
В речке затаился студенец.

И слепит, слепит нездешним светом
Облако невиданной красоты,
Илия торопится с приветом,
Догремел до нашей полосы!

Ну а мы?..

— Готовы к отступленью.

Четверть века пятимся назад.
Этакому светопреставленью,
Заклучивший небо, ты не рад!

Всё твердишь о праведности некой,
На сарептскую надеешься вдову...
Праведность успеху лишь помеха —
За иконой спрятали в дому.

Лей не лей, а нас на землю праву
Не наставил, голоси не голоси!
Мальчики вот вышли за державу,
Ты для чести нашей их спаси!

2 августа 2016 г.

Р.С. 1 августа Приморский краевой суд присяжных оправдал «приморских партизан».
Р.Р.С. 25 декабря Верховный суд отменил оправдательный приговор суда присяжных.

* * *

Умри весной! Пусть разорвётся грудь
Земли воскресшей ароматом,
И путь небесный пред закатом
Укажет ласточки завитый путь.

Ушли снега. Готовит лес костёр
Возжечь вокруг стеной зелёной,
Взгляни, вдоль поля он простёр
Овраг, туманом напоённый!

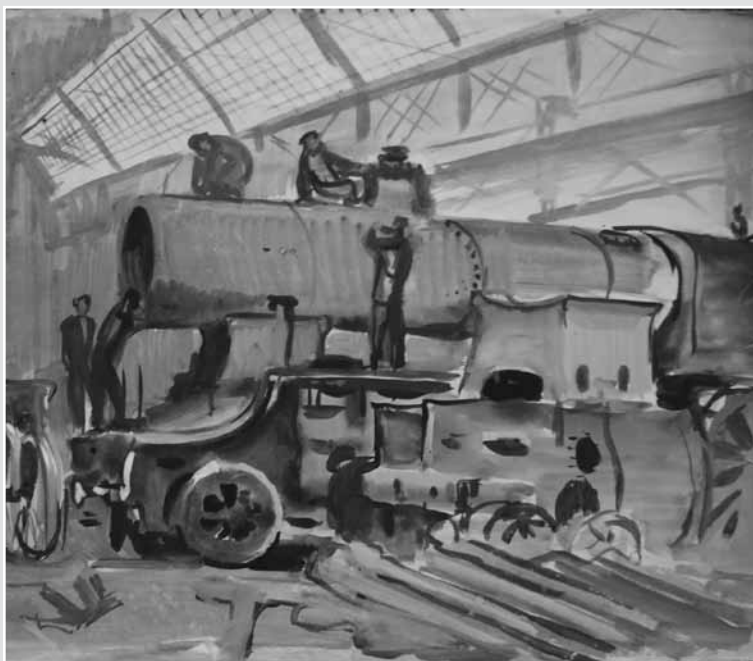
Уж подняли главы цветы,
Ловя воды подземное движенье,
Здесь навсегда уже осталась ты,
В душе земли, в её воображенье.

11 апреля 2016 г.

ИЗ ЦИКЛА

**«ЛЕТО-
ОСЕНЬ-
КРЫМ-
ДОНБАСС»**

2015

* * *

Между Богом и Землёю –
русский человек.
То с киркою, то с сохой
коротает век.
То утешен, то обижен –
спит не спит боец;
Но, по чести, им ведь движем
наш обоз, Отец?
Он таит в себе преграду
сытости и лжи,
Райскому Твоему саду
держит рубежи.
Счастлив ширью чиста поля,
моросью дождя,
Точным глазом, умной волей
Твой Завет храня,
Вяжет дом посреди мира,
дом Твоих друзей,
Баллистической ракетой
Гонит голубей.

27 августа 2014 г.

* * *

И дал Иаков Исаву хлеба и кушанья из
чечевицы; и он ел и пил, и встал и пошёл;
и пренебрёг Исав первородство.

Быт. 25, 34

Где будет труп, там соберутся орлы.

Мф. 24, 28

И что в этой похлёбке красной!
Жар, нега, сладости до тошноты!..
А предпочли судьбе неясной
Первосынов, что создал Ты!

Стремимся в ад, в аду сгорая.
Сжигаем памяти мосты,
И вся святая и благая
Палим огнём, как блокпосты.

Очнись, Исав, на русском поле,
В лесу дремучем заблудись,
В болоте, в клюквенной неволе,
Звезде российской подивись!

Где труп, там вои* соберутся,
Орлы слетятся с гор своих,
Ведь когда русские дерутся,
Архангел сдерживает их!

27 августа 2014 г.

* Вои – (славянск.) воины.

* * *

А мы, мы, смотрящие в экран
на бойню, на растерзанные трупы,
бомбёжки, истязания, допросы, —

Мы лучше римлян,
что свой палец опускали,
смерть призывая на главу раба?!

Отважного, который веселил,
скакал, кричал, и вдруг упал,
споткнулся — и ждёт решенья нашего.

Мы — граждане диванные
страны, истерзанной
предательством и ложью.

И подлость наша — смерть вторая для отцов
в их праведных,
в безкrestных их могилах.

11 июня 2014 г.

Донецкие частушки с телезапевом

А вы видели «Дженерейшен Пи»?
Книжку читать нельзя, а фильм посмотрите.

Телесериал «Донбасс»
Прерван до весны.
Как заботятся о нас,
Охраняют сны!

Тем, кого не доубил,
Шубу Мастер шлёт,
Из разрытых из могил
Что-то достаёт!

Как ужасно! Кушай, Петя!
Будет легче жить на свете!

И чтоб двигалась телега,
Вот тебе конструктор «Лего»!
Позабавься до апреля,
Теле-пили, теле-ели.

Этот мальчик будет жить,
А того тихонько – вжить!
Слишком много для земли,
Теле-люли, ай-люли!

А гремучий этот «Град»,
Теперь выведен, собрат!
А ракету «Ураган»
Откатили за курган!

Ой, Саур-могила,
Сколько ты кормила,
Теле-встали, теле-сели,
Теле-жили, теле-ели.

Этот честный телевзвод
Никогда не устаёт!
Он и стрелян, и раним,
Чтобы был адреналин,

Чтобы слов не перепутал,
Роли правильно раздал:
Телефазер, телемутор,
Телепринял, телесдал!

Что, царевич, приуныл,
топай веселее,
Ты ведь никого не «слил»,
Ты ведь доблестно следил,
этой Лорелеи
Выход, пляску на пиру,
Голову на блюде!

Что там вьётся на юру?
Что при всём народе
Говорят отцы времён,
Что по протоколу?

Всем слова раздал, Семён?
Открываем школу!

Две лжи уживутся всегда:

сейчас одна обхитрит, потом – другая;
так, играя, и будут век коротать.

Но правда с ложью вместе долго не будут:

злоба одной гудит, как пожар, умерить нечем,
другая – в недоумении: и что ненавидит, что?

9 августа 2014 г.

* * *

Здравствуй, лётчик, ты летишь
Над моей землёй!
Может, соблаговолишь
На денёк-другой.

Тут у нас грибы пошли,
Росы по утрам...
Что искали — не нашли,
Рыли тут и там,

Бороздили свод небес
Вдоль твоей души...
С нас и с наших дачных мест,
Ты уж не грехи —

Не снимай покров высот,
Пусть они стоят:
Столп и столп, и взвод и взвод,
Сотни тех ребят,

Что остались на полях
При донской степи,
Где достал их «Град» и лях,
Спи иль потерпи!

Где, оболганы судьбой,
Болью обвиты,
Они встретились с тобой,
Да не знаешь ты.

22 сентября 2014 г.

* * *

Ходят тучи небосклоном,
Ходят люди по холмам,
Этим вымокшим зелёным
Ходят миром тут и там.

Что им наши слёзы-думы?
Что им смерч в чужом краю?
Толстосумы, тонкосумы,
Прочат – встретятся в Раю!!

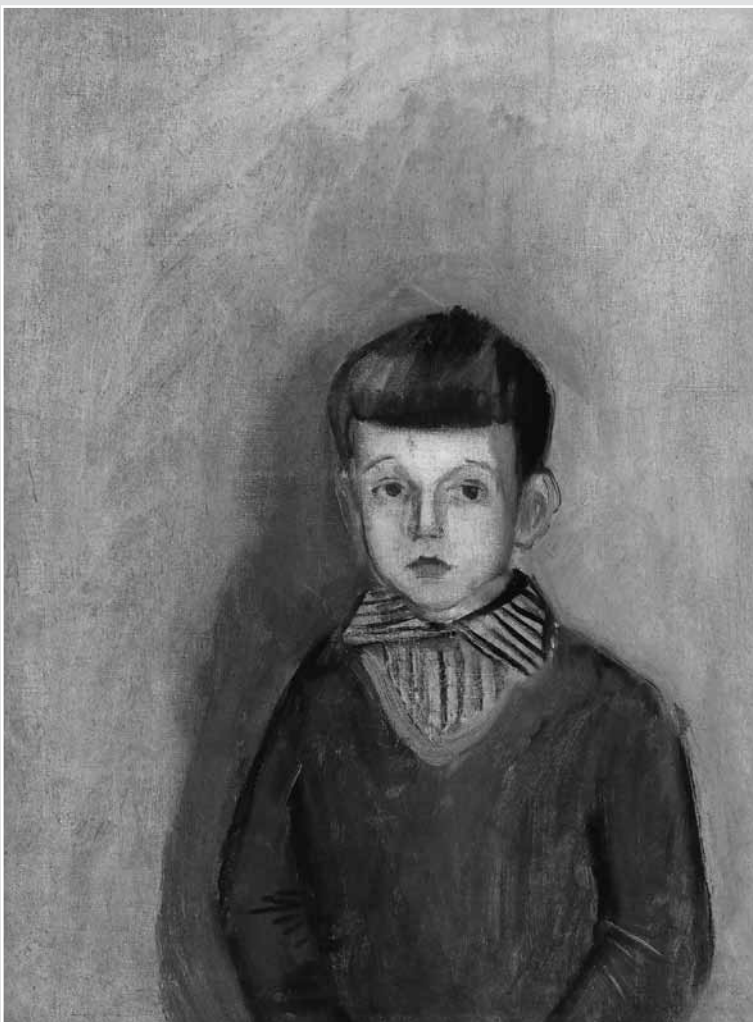
Что ж в груди завыло волком?
Нянчишь, Русь, свою тоску!
Заигралась в богомолку,
Глохнешь птицей на току.

Подходи, бери руками,
Бьёт крылом, а не вспорхнёт,
Будто новыми веками
Стал души несносен гнёт.

Отчий дом перелицован,
Дедов, прадедов смели,
Хитрым словом нарисован,
Царь забрезжил впереди...

И дитя, раскрыв глазёнки,
Зрит театр сих теней...
О родной своей сторонке,
Как узнать ему о ней?

2013 г.

* * *

1993!

Мы жить оставлены пока.
Чтоб правду чуяла эпоха.
Ведь голову сложить до срока
Могли без страха и упрёка,
Привстав и выглянув слегка.

Не верили, что в свой народ
Стрелять отважатся вояки,
Ещё нас не назвали «сброд»,
Ещё боялись русской драки.

И в том единственном бою
Не узнаны остались пули.
Застыв у бездны на краю,
Мы онемели и заснули.

И столько лет стоим и спим!
Земля рыдает под ногами,
И дети нам кричат, глухим,
И потешаются над нами.

Они – не пасынки сынов,
Они своей стране чужие!
Из снов октябрьских, красных снов,
Они костёр себе сложили.

По наущению чьему
Сверкают искры, пляшут блики?! –
И океан Руси великий
Молчит, готовый ко всему.

4 октября 2014 г.

* * *

ЛетоОсеньКрымДонбасс,
Эко развернуло нас!

Путинки-дорожки,
Кровавые стёжки...

А героев отрывать
Наняли с Урала:
«В Бога душу, в Бога мать –
Моя не пропала!»

Неужели это мы?
Пушкин и Гагарин?
Этаких тревог зимы
Не дал и татарин.

17 октября 2014 г.

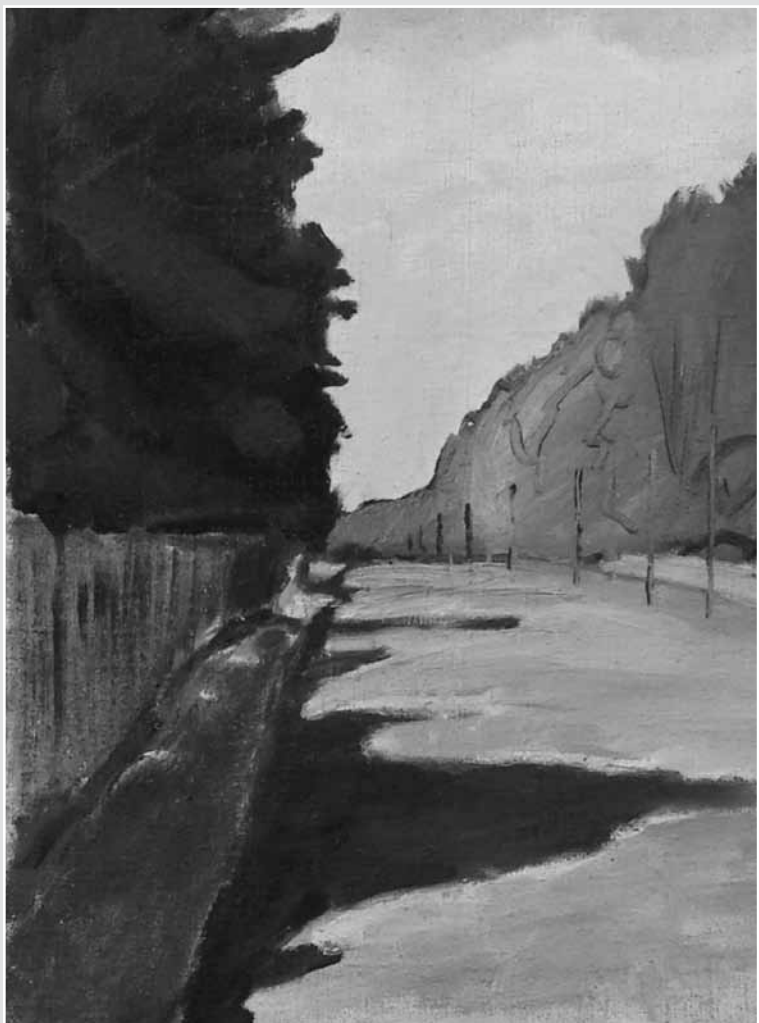
* * *

Какие песни Бог даёт?
Какие жизни надо,
На что аукнется народ,
Доведенный до стада.

А кому хочется на вкус
Приятностей и неги,
Придётся отойти, боюсь,
От русской сей телеги.

6 марта 2015 г.

ИЗ КНИГИ
«ДЕРЕВЬЕВ
ЛЕСА»
2014

* * *

Большой среди пророков.

Лес идёт по земле,
первый её насельник,
первый поклонник.
Где-то берёзовым стоном,
осиновым страхом,
А тут вот дубами вцепился в обрыв,
глинистый, красный.
Или раскинется по каменистому склону
святой можжевельной рощей,
кипарисовой сродницею.
Разве пустыню одну
сильнейшему он уступит,
Нагому, бесстрашному,
попирающему
мира законы и скрепы.
И единого-то ему духа довольно для жизни,
и цветами не обольстится,
не усладится плодами
прелестницы осквернённой.
Всё-то на воду глядит:
то голубая она, белая —
от облаков и крыл голубиных,
То вдруг заискрится красным,
камями ль играя?
тайное ли открывая верному другу?
Места которому нет, нет на свете!
Но дело своё знает —
и не оставит.

Июль 2011 г.

В твой день

А.П.

Ты – казнь товарищей, мы – казнь страны,
Не пережили, нет, живём... стихи слагаем.
И новый мир, и всё, что в нём,
Понять пытаемся – и отвергаем!

Всё кровь нам чудится!
Тебе – всё облик бледный...
О Русь безумная к сынам!
О сын мой бедный!

6 июня 2012 г.

* * *

М.В.

Толст, короток, совсем не грек,
Но встал на берегу Понтийском
И что-то тихое изрек
То ли на русском, то ль на итальяском.
Но в годы извержений не утёк,
А выжженной земле себя оставил,
Как дополнительный писательский паёк —
К тому, что не успел и не прославил.

24 ноября 2009 г. Коктебель

Коктебель. Памятник морякам

На запад, на запад,
руины поднимем потом,
Лети, наша юность,
не зная поражений!

Какие разные, и все в одной могиле.
И больше их, не четверо,
Но эти как будто дали лица всем.

Один – поэт из них:
задумчив,
взгляд не здесь.
Грустит не о своей безгрешной смерти,
но видит нас.
Вокруг расположились
аттракционы детские,
Гарцуем, и учим гарцевать детей.

Но не на скакунах горячей крови,
А на подушках, на клавиатуре,
На карусельной сцене караоке...

В дверях ночного бара вьются бёдра,
притягивая взгляды.
Как она играет
своим, твоим,
растопленным музыкой телом!

Руслан! Руслан! Людмила ли твоя
Обольщена фатою Черномора?
Найдёшь – узнаешь ли её?

Кто внял из четверых?
Кто поднял слух из недр окаменевших,
Чтобы принять на грудь наш вопль позорный?

Всем выели сердца, всем слух замкнули.
Поди пойми в шумихе этой,

Кто кем родился, куда идёт –
и любит, любит ли кого?

Молчанье каменное он сберёг в ответ.
Прозрачна даль, объектов цели нет.

24 ноября 2009 г.

* * *

Вот эта неживая девочка
 с шариковым голосом –
Занозой во мне! клеточкой!
 волосом!
Какие слова мои слышит она,
 что понимает?
Какие – в сердце
 (ведь есть же оно!)
 слагает?

14 августа 2009 г.

* * *

Дитя, читающее под зонтом
на остановке, на трамвайной,
Не уезжай!
Пусть кáтит в свой Содом!
Замри, замри
на полотне моём случайном!
Стой, как стояли здесь иные времена,
иные девы,
И разносила жизнь любви семена,
её напевы.

23 августа 2009 г.

* * *

Мальчик в отчаянии решил не жить,
Папа-священник понять ничего не может:
Вечно теперь ему за окном, как птице, парить,
Дарить воздушные поцелуи девам прохожим,
Волосы трепать, нежные навевать слова,
Что жизнь хороша, хоть начинай снова!

2009 г.

Московская сиротская зима,
Ни снега, ни вьюги.
Русь залегла по кабакам, поди,
Мороженое, гретые котлеты,
Себя утешить где-то, где-то —
И вновь стрелять пойти,
Кто громче, кто дурей...
И сыновья не знают матерей.

2009 г.

* * *

Проболталась, проворовалась
И петь разучилась и выть.
Что с тобой, кормилица, случилось.
Чем народ свой будешь кормить?

Какую новую дулю
Запустишь под черепа?
Резиновую ли пулю?
И мягка она, и слепа...

2009 г.

Вся Россия – село Горюхино.
Кому жить хорошо на Руси?
Ни Вернадского, ни Илюхина,
Ни Баркляя, проси не проси!
Разве ветрами выдует зимними...
Разве сможем молитву стяжать...
Все виновны перед озимыми,
Сеять некому, некому жать.

12 февраля 2010 г.

* * *

Власть опять у подлецов,
Эк, Россию угодило!
Что ни век – честім отцов,
Сокрушаем все правіла!
Не последний нынче ль раз?
Больно люд переменился...
Новый русский – дикобраз,
От всего-то открестился.
С белого листа начáть,
Как велели, так и начал.
В поле выйти ль прокричать?..
Поле есть... под рвы и дачи.

23 января 2010 г.

* * *

Сто раз повторенная ложь
не станет правдой!

Дирижёры, режиссёры,
Клоунадопалачи!
Этой лютой дети своры,
Получай на калачи!

Служка служит!
Думка душит.
И чего они кричат?!
Будто жизнь они разрушат?
Будто ими мир зачат?

20 июля 2013 г.

* * *

Кот прилёт на бревно

и давай точить когти.

Весь напрягся, хвост подрагивает змеиный...

Египетский чёрный божок,

выгнул спину,

Собрался, свернулся,

агатовым ядом застыл.

И кого только Русь ни прияла в свою утробу!

Кого не найдёшь у нас?

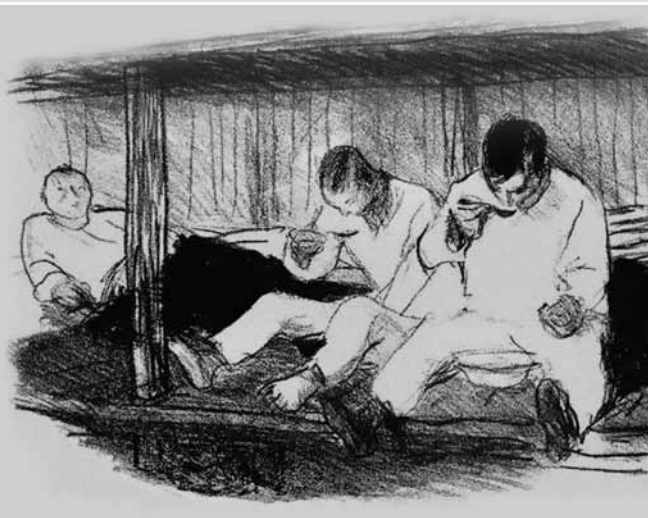
Не обнялись, не почеломкались — с кем?

Июль 2010 г.

* * *

Нелюбимая дочка,
А живёт дольше всех:
И побои видала, и войну, и грех,
И верит не верит – а Господь ей рех:
– Старости жертву неси за всех!

2010 г.

Далеко убежала, заманили Москву
от своих от полей:
Ей заморского нынче подай,
аглицкого налей, —
И мнутя народы степей, судьбу потеряв,
После мамкиных рук-то — да оборотня обняв.

Июль 2010 г.

* * *

Они вышли за Россию.

Предатели должны уйти,
А кто научен лжи —
Вяжи язык, и слух вяжи,
И сердца вопль вяжи!
Смотри на деточек святых,
И плечи подставляй!
Так Харитон в водах витых,
Христа несёт, любяй!

14 января 2011 г.

* * *

«Какой леший исковеркал берёзник?» –
«Не леший, а иней, – отвечал старик, –
глядь-ка, сколько его нальнуло к сучьям...
тяга смертная! Ведь под инеем-то лёд,
толщиной в руку, и всё к одной стороне...»

С.Т. Аксаков «Буран»

Вы же русские берёзы!
Вы погибнуть не должны.
Что дымы вам, что морозы,
Что вам лёд?! Крестом сильны!
Вы ж идёте полем нашим,
Землю с небом единя!
Так, придя, и Богу скажем:
Край мой вышел за меня!

14 января 2011 г.

* * *

Дети не брали у фрицев конфет,
Были и жалостливые
 среди оккупантов,
 не все ведь звери.

А он набычился,
 жмётся, как к мамке, к двери.
Такой вот дичок, волчонок,
 заморыш, ферт!

А степь за окном то затихнет,
 то воем взовьётся,
Не видно ей там, не слышно,
 что́ этот вершок им отвечает.
Бубен луны схватила выюга,
 и качает его, качает,
Скорей же, время, скорей!
Христос навстречу несётся!

14 января 2011 г.

Невыносимый этот снегопад!
Апрель в полú, а он всё валит, валит,
И рабство наше за свободу хвалит, —
Что сокровенное снесли в торговый ряд.
Да если бы очнуться, оглянуться!
Понять, в конце концов, — вот он конец!
Со смертью нам уже не разминуться,
А с честью можем... коли правит лжец.

Апрель 2011 г.

* * *

Конец апреля,
пруд ещё не снялся,
но пегим льдом покрыт.

Вода бежит из-под него,
и пенится в плотине,
и рукавами разрезает луг.

Водовороты,
новые стремнины —
несётся жизнь, заведенная раз.

Пасхальный паводок
играется в долине,
в душе земли,
в земной душе у нас.

25 апреля 2011 г.

* * *

Улетают они за месяц до снега,
А прилетают, когда сажают картошку.

Нет, нет, жива!

И журавлиным клином,
его и Альфой и Омегой,
освящена опять.

Идут, идут,

полнеба обхватив свою сетью,
вращают маховик Руси,
скрепясь.

И рвутся вервия закрепы лихолетни,

И в клёкоте – с Творцом
угадываем связь.

5–6 мая 2011 г.

* * *

Здравствуй, Георгий!
К дню твоему
красный расцвёл цветок.

Сердце подъял
над плотью своей
Божией жизни росток.

Вот как земля тебя поняла!
Силою вторит своей.
Сияют мученичества крыла
народной любви к ней.

6 мая 2011 г.

* * *

Есть много способов украсть –
Да не кради!
Есть много поводов солгать –
А ты не лги!
Ни в оправданье, ни в ответ,
Ни для спасенья чести,
Наветом не сотрёшь навет –
Они сольются вместе!
Таков закон у вселжеца...
Не лги, чтоб не сменить отца!

Июнь 2011 г.

* * *

Дезертиров хороним,
одного, другого.
Вспоминают обычно хорошее
на похоронах.
А тут, что говорить?
Бросил, ушёл, отступил,
Не выдержал, был слишком хрупким,
слишком собой затенён,
затемнён, замучен.
Мира какого снискал
своей островерхой душе?
Сына родил –
вот золотая заслуга.
Да не утонет в печалях отца!
Но подумает ли
труды понести за него?!Спи, горемыка,
себя в себе схоронивший до срока.
Мáтерин светоч,
отцову надежду срубил.

24 июля 2011 г.

Бесплатной водочки, колбаски,
Музон, весёленькие глазки –
И пляшет люд на похоронной тризне,
Не должен никому – ни Богу, ни Отчизне!
Лишь бомжика слепого бьёт слеза –
Россия! Родина моя! Мои глаза!

Сентябрь 2011 г.

* * *

Бомж подал бомжихе грош.
«Что ты, братец, подаёшь?
Самому, чай, пригодится...» —
Говорит ему сестрица.
Долу синий взор упал,
Этой песни он не ждал,
Этой высоты не взять:
«Что глазеешь, Божья лядь!»

12 февраля 2014 г.

* * *

Ну что, товарищ каша,
Как твои дела?
Жизнь не допета наша,
Хоть немощны тела,

Хоть рта раскрыть не смеем,
Послушны подлецам,
И холим, и лелеем,
Что звали стыд и срам.

И всё закат к закату,
И всё конец к концу –
И страшно Стратилату
Вести народ к венцу.

Декабрь 2013 г.

* * *

В этот день творилась Одесская
Хатынь, но мы ещё не знали.

Похоже, мы будем очень рано уходить,
Избегавшись, напредававшись,
Отдавши всё, всё потерявши,
Но нюхом чуя, где нам быть, а где – не быть.

И в этом всё! Мы не смогли вписаться,
Не приняли, не спелись, не срослись.
Нам жизнь не дали в руки,
а в ногах у ней валяться,
У подленькой, – да провались!

2 мая 2014 г.

* * *

Мы жили там,
и мы не проклинали это время:
Учились, и любили, и вели детей...
И жизнь неслась вокруг – и трудовое бремя
Народ держал без стонов и затей.

Страна – и мать, и дочь была
на этих вот руках!
Как отступить, предать, заснуть, солгать?!
Не на словах мы почитали отчий прах,
Мы силы брали в нём – и петь, и воевать!

И славить, строить этот мир!
И Бога в нём искать,
Который в совести храним,
Как нам шептала мать.

30 января 2013 г.

Там хорошо, и путь туда открыт, —
Но здесь Отечество земное.
Здесь корень рода в землю вбит,
Здесь пращур — во главе со мною!

Герои войн и труженицы-жёны,
Крестьянский инженерный род,
В какой поход вы мною снаряжены,
Куда веду смиренный взвод?

16 января 2014 г.

* * *

Ветры колеблют деревьев леса,
Миру угроза и мира краса
Встретились в схватке – объятья крепки:
Стойки стволы, зыбки верхи.

28 марта 2014 г.

ИЗ КНИГИ
«РА́ДОНЕЦ-
САД»
2009

* * *

Какие красивые женщины есть!
Какою-то тайною тайной
Охвачена вся: и здесь, и не здесь —
И взгляда не бросит «случайно».
И кажется, всё ей послушно, должно
И жаждет её воцаренья.
И солнце украдкой к окну подошло —
Хочу уберечь от старенья!

Лето 2007 г.

* * *

...Ещё не всю покрыл её...
Где пашня, лишь белые поставил гребешки,
Лишь травы опушил сухие.

У комелька черешни молодой
Свил белое гнездо;
Напал на сливу, изорвался о шипы.

У яблони нашёл в ветвях укрытье,
Занёс мостки...
Стой, жизнь! зима, зима пришла!

Но глянь-ка, женщина спускается с бугра,
Похоронила брата, мужа, сына,
По первому снежку идёт на речку
С горою белого белья – прополоскать.
И рук не жалко ей, и свет от снега
Ей радостен,
и радостен, и мил.

2005 г.

* * *

Цидония, японская айва,
Привитая к российскому бугру,
Угрелась, зацвела – а тут мороз!
А после – ливень ледящий на неделю.
Не наш, но нашей порождение души –
Так всем сказали... А она,
Как русского не знала, к земле всё жалась,
Жалась и... спаслась,
Как русской глиной многие спасались
Во времена лжедмитриев, лжевер...

Лето 2008 г.

* * *

На русском много нерусских песен,
Сыплют, сыплют мелочь в карманы,
А то и тебе подадут копеечку в сердце.

Но наши поля не растут чужим серебром.
Вот они вновь обнажились от снега и от безделья,
Лежат против неба: ты, а это вот я!

Только что жёсткой дорогой бока прободили,
Чтобы крутились колёса быстрее и дальше,
Чтобы гостям до завтра скифию эту объехать,

Лиса ли сверкнёт под фарой?
...Ни маяков, ни вех!

17 марта 2008 г.

Как надоели эти
«американские песни»!
И старики, и дети
распевают их порознь и вместе.
И редко-редко
кто не подтянет ноту,
И ворон, как чёрная метка,
метит дома и ворота...

16 апреля 2008 г.

* * *

Две недели слива горела.
Горела особенно ночью,
Лунным горела светом,
Бугор пробуждая к жизни.

Таджик на огонь засмотрелся,
Развился пламени свиток,
Колет клинком небо,
Воздух сосёт сладко.

Это ли майское утро,
Русской земли потуги?
Силится жить, а нечем,
Куда подевалась сила?

Половина в глине увязла,
Половина спутана словом.
А тот, кто и вышел в поле,
Забыл, забыл, как сеять.

14 мая 2008 г.

* * *

Папа с новой коляской
Нарезает круги по двору.
Что там с Камчаткой-Аляской?
Какой штандарт на юру?!..

Он с бабушками на скамейке
Газонной войною объят.
На нём, как на дудке-жалейке,
Играют все ветры подряд.

В офис жена укатила,
Махнул – поезжай! – рукой.
Сдала ли мужицкая сила?
До срока ль пошла на покой?

Дрогнет подземная речка,
Перейдёт колесо бугорок,
Вырастут сын или дочка,
Отчих не видя дорог.

Дух будет прочь стремиться,
Учи его, не учи...
Так русской жизни страница
Вырвана, хоть кричи!

2009 г.

* * *

Ищет отец покровительства сына...
М.А. Дмитриев «Московские элегии»

Как свет играет в котловине!
С ольхи на иву, с тополя на вяз!..
И янычаров будит...

Отец повязан чувством к сыну.
Сдаёт поочерёдно все вершины,
С которых мир ему когда-то открывался.

Дитя растёт, и на тебе! — ознался!
И скоро не главою, а землёй,
на чём стоит,

Отца обгонит.

Тот благоволит...

И вот остался, голову задрав:

Сынок сияет в поднебесье!
И облако, по виду морда песья,
Летит служить ему,
хватает за рукав...

2008 г.

* * *

У правды много языков,
У лжи – одна ухмылка.
Во сне, в беспамятстве веков,
Она – врагу копилка.

Ведь есть же он,
Как ни крути гуманистическую песню,
Дурит, морочит дом Москвы,
И ряженный кремлёвский эшелон,
и трудовую Пресню.

Всем, всем раздать слова
Торопится делец,
Покуда солнце правды держим втуне.
И вот уж, образом здоровой жизни одержим,
Реликтовый москвич предал Москву фортуне.

31 мая 2008 г.

* * *

В новое время попадаешь, как в капкан, на приманку.

Мы встретились ненадóлго,
мы только расселись
на новом пиру городском.

Мы только узнали,
кто этот и тот,
и имя с лицом связали...

Мы только налили
в бокалы вина
привозного,

Как вдруг затрясло,
задуло,
а где-то, сказали, запыляло.

А где-то потом закричали.
Всё стронулось с места, рванулось...
Бежать? Но куда?..

* * *

Как чудо-занавес, серебряный тот век
Закрыв собою золотую ниву
Руси могутной.

Кто в зале был, тот бросился на сцену,
Кто в гардеробной – вышел с фонарём,
Гримёры стали в круг, ища премьершу
Средь полчищ новых. В костюмерной
Затеялся пожар... Оркестр взвыл,
В приятных думах проводивший жизнь
страстей бесстрастных, –
И замер обесславленный театр
Покойной музыки. Завтра уж ему
Не спать, не спрятаться,
да и не отмолчаться
От этой вот примчавшейся любви.
Ворвавшейся в дорожном из прихожей,
Где свет задули раньше, и в потёмках
Неловкою рукой, или в насмешку,
не ту толкнули дверь –
И вот она на сцене,
в бездне света,
И в царской ложе, и опять на сцене, –
Не видит ничего,
Её же видят все...

3 сентября 2008 г.

* * *

Пока у мальчиков наших под языком
спит лермонтовское Бородино
И девочки про себя
«письмо Татьяны» читают,
Россию легко не свалить!

Но бойтесь воплей
поэзии сладкоплакучей!
Не просто же так Платон
требовал ей изгнания
из государства вождей.

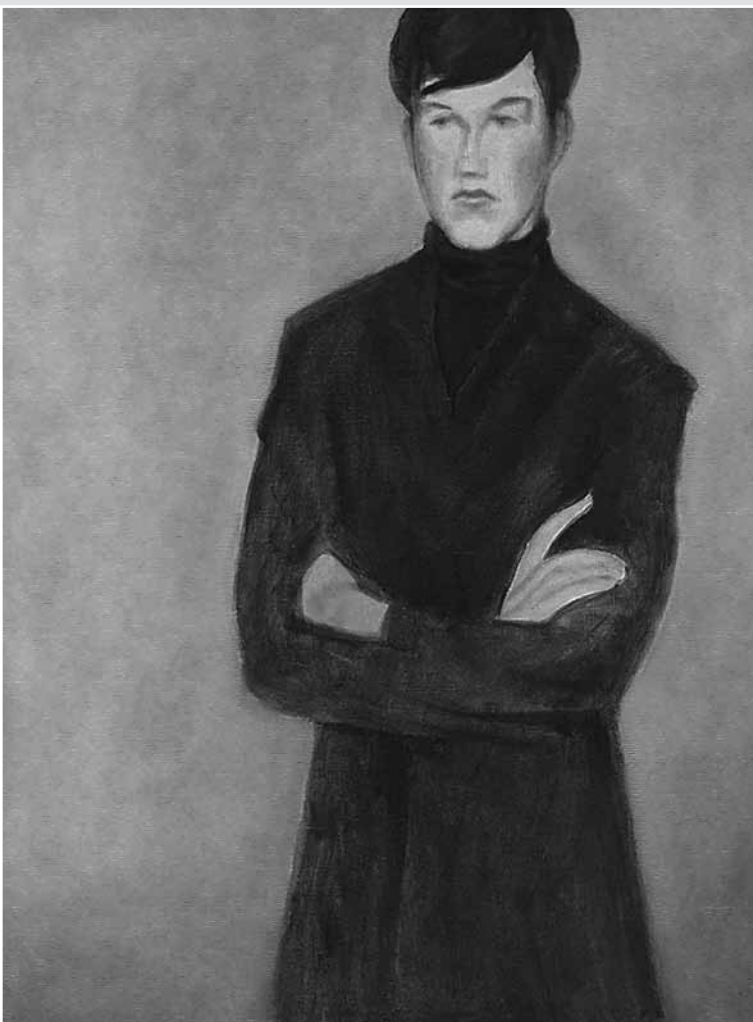
Способно ленивое сердце
верить её причитаньям,
вторить и множить,
и кровь отравлять,
и ум поворачивать долу...

Откажется воля тогда стоять,
как подпиленная опора,
в правой жертве и чести.

Всё будет плакать душа о себе,
всё умереть бояться,
Забудет совсем,
и не напомнит никто,
что жизнь эта —
это ведь смерть.

И в новую нас родиться
никак не пускает!

3 сентября 2008 г.

* * *

Памяти погибшего монаха

Это ты мне приснился с чёрным лицом?
Или тот, кто тебя убил?
И волок по снегу, живого ли? Не узнать...

Не было кошек вокруг тропу лизать,
Как ты писал в «полосатом» письме своём.

Дрожит могила, земля не взяла души,
Прости неверным, а верные ныне где?

Пеплом покрыта правда в тополиной твоей тиши,
Уголья-ладони, уголья-стопы теперь везде.

Когда же вылетит, выстрелит трель соловьиная ввысь —
Весна не попустит горю гореть долго —

Знай, это братья небесные в келье твоей собрались,
Послушники песен, горних молитв и долга.

И на пиру воссядешь — любить и жить,
Как здесь не умели и не умеем поныне,
В шёлковом свете, смотри!
 золотится, играет новой судьбы нить,
Штопает дыры
 в нашей чёрной земной судьбине.

3 мая 2007 г.

Признание

Наши пути разошлись,
но я его не убивал.

В.С.

Шли мы вдвоём
болотами, зонами, лагерями,
Пустынями, пастбищами людскими,
жилами да зубами.

Пайку делили,
супинатором резали брюхо,
Чтобы конвой не забил по дороге —
выжить и выждать!

Связаны спинами были мы
в вечной той обороне,
И наконец-то в свободе
встали лицом к лицу.

Кто ты? Куда? За кого?
Заплутаем ли в сердца дорогах?
Вера ли разведёт
в «истину, путь и жизнь»?

Не спит пересмешник,
Во вражьем овраге с утра
Залёг с огнестрелом.

Занавесил, как сетью, солнце,
Солнце кровавой правды,
Братьев-разбойников совесть.

12 мая 2009 г.

* * *

Макбет непобедим, пока к нему
Не выйдет к Дунсинанскому холму
Бирнамский лес...

В. Шекспир «Макбет»
Пер. С.М. Соловьева

Вот и на нашем веку
Случилось времён окончанье.
Мы-то думали:
 как они умирали?
Почему того не сделали
 и того?
А эти совсем почему потерялись
 в общей шумихе?
Теперь вот и нам дали послушать
 небесных звуков.
Не ангельских,
 которых мы дружно ждали,
А грозные сдвиги пространств,
 вламывающихся друг в друга,
Плавающих силовые решётки
 полей гравитационных,
Выбрасывающих в безвоздушные
 Дантовы реки
Тысячи душ, чающих новой жизни,
Въяве увидевших лес,
 движущийся на холм,
 взбирающийся по нему
Навстречу ратникам белым,
Побелевшим
 по слову комедианта,
Видно, любимца Господня.

25 июля 2009 г.

* * *

О поле, поле, кто тебя усеял?

А.С. Пушкин

Рвы, рвы роют на Хованском,
На Переделкинском,
Пенягинском, Рогожском...

О поле, поле, мы тебя засеем
Свою плотью и свою костью.
Мы срастворимся глине, чернозёму,
Траве, деревьям, первоцвету жизни...

Народ уходит, унося с собою
Эпоху оклеветанных дерзаний.
И скоро тайной станет наше время.

Ключ от ларца – под фартуком с Адамом,
Другой – во чреве каменного грифа,
В одном из четырёх, главы свернувших,

Что скорби ложно место указуют
Пришедшим честь отдать машу́кскому поэту,
За всю Россию певшему о чести.

28 марта 2009 г.

Тот русский

1

Тот русский, кто Россию любит,
Кому земля её мила,
Кто душу ежечасно губит,
Лишь бы черёмуха мела.

Лишь бы туман стоял в апреле
Над сизым выводком осин,
И соловьи за речкой пели,
И люди вторили бы им!

2

Тот русский, говорю,
в ком Русская земля, как мать,
в тебе живёт, тесня души просторы.

Кому милы
холмы под инеем,
Кремля с Кремлём переговоры,
чин рек вселенский,
лесов наивный березняк
и ёлей чудо-стать.

Тому невыносимо и грешно
смотреть на разорение России,
удерживающей,
пока могла,

Хранящей на груди
кровавый след Мессии
и на потребу знающей одно.

22 марта 2009 г.

* * *

Не уходи с земли своей
Ни хлебопашец, ни учитель,
Моряк, не оставляй морей!
Монах, не покидай обитель!

Раскинет Древо жизни в нас
Широколиственные сени,
И в благодатный жизни час
Труды, надрывные подчас,
Осветит Вознесенье.

Март 2009 г.

* * *

Наши мёртвые нас не оставят,
И защитники нас не сдадут,
И того, кто так ловко правит,
Приведут на суд, приведут.

А пока на столы парастаса*
Мы печенья и свечи кладём,
И глаза поднимаем на Спаса,
И блаженные песни поём.

Страшно, страшно лишиться отваги!
А лишились и продали честь.
И куда уж бессильной бумаге...
Но жив Гермоген! Есть!

1 ноября 2008 г.

* Парастас – особая заупокойная церковная служба.

* * *

Это ты? Как не забыл ещё
Песни свои,
Ведь люди забыли слова.
Нет, не все,
Но те, что важнее всего.
Те, что правят,
Действительно правят миром,
И проникают в сердце,
И рассекают его горючий плод,
Освобождая иголочку новой жизни,
Которая колет воздух, царапает небо –
Не трелью ль твоей, соловей?

Апрель 2009 г.

* * *

...И смоковница тотчас засохла.

Мф. 21, 19

Пусть всё засохнет,
Что доброго плода не может принести!
Ни вовремя рождать,
Ни вовремя цвести...
Не в этом ли секрет благого лета?!
Приятным не для глаза быть —
 для света
Сердечного, которым и стоим!
И душу пестуем...
А торг вокруг — неукротим!

14 апреля 2009 г.

* * *

Когда в Андреевском зале Большого Кремлёвского дворца проходит инаугурация президента, стена с десятиметровым Всевидящим окном занавешивается тканью – чтобы не смущать собравшихся.

Восстановлены залы дворца для новых хозяев,
Новодел алебастровый вьётся, горит по столпам.
Здесь судьбы народа решались, науки и школы,
Страны трудовой и ревнивой власти несли бремена...

Барство прокралось в болтливой овечьей шкуре,
Леность и ложь взошли в умах и сердцах.
И теперь Всевидящим окном
настенным надзор надо всем установлен.
Андреевский крест и гербы золотые земель –
подбрюшьем ему.

Робость ли очи застит мужам, девичья ль сладость?
Время ли русское вышло на Русской земле?

21 апреля 2009 г.

* * *

– Чем занимаетесь?

– Землёй.

Из разговора встречных

Землёй занимаетесь? Пашете, парки разводите
иль продаёте?

Кладбища, улицы, цепи озёр,
леса и луга?

Жизнью едины, взглядом связуемы,
любвы они на взлёте,

А двинуться некуда:
разрублены швами заборов.
О, вражий слуга!

Бетонных, из прутьев стальных,
чешуйчатых, сетчатых, гладких...

Знаки эпохи глухой – межей и оград!
Но стену и эту, времени стену,
проникнет последняя Слава –
прейдёте!

В пропасть,
в кормилицы чрево родное
горящею пылью войдёте,
И новыми родами
вó поле жизни поднимется радонец-сад.

21 апреля 2009 г.

* * *

Всем должна и кругом виновата!
И под этой крупой снеговой
Ощущаешь себя солдатом
На невидимой передовой.

И что плохо – стрелять не учили,
Только слышишь «беги!» да «ложись!».
Вот нагрянувшей вражьей силе
И подставили грудь и высь.

Не одной ведь землёю любимы –
Небом пестованы в раю.
Хлеб насущный, вовек Неделимый,
Преломи за Отчизну мою!

Май 2009 г.

* * *

Не привязывай сердца к детям!
Вырвут – и жить будет нечем.
И Бога будешь гневить
ропотом и обидой.
А Он возьмётся шутить:
А ты совсем не обедай,
Чтобы одной не сидеть,
не ронять слёзы в тарелку.
Или возьми Псалтирь,
эту вечную нашу «грелку»!..

А она всё – «нет» да «нет»...
Ну как отойдёшь от бед?!

11 июля 2009 г.

* * *

Мать – фоном для дитяти,
 оно её не видит,
Вперив глаза и руки в жизнь,
 что впереди.

Ну разве что, когда обидят,
Прильнёт в слезах к родной груди.

А сердца – как и нет, не слышит!
Свои удары
 все заглушают, как набат.
И сколько надо лет нам Божьей кары
Чтоб сын отца узрел, взял руку –
 здравствуй, брат!

11 июля 2009 г.

* * *

Дождь холодней и холодней день ото дня...
А на Покров, глядишь, и вовсе снегом станет.
И встанет жизнь, и новая настанет,
И перейдём в её окоп, как в ров.
Укрытие для нас и снегопад!
Да застит око Вышнего на наши
Судов по всей земле колеблемые чаши
И мумии сердец, закрытых на засов.

12 октября 2008 г.

* * *

Куда же старика девать?!
Он поперёк всей вашей жизни:
Скрипучая, как дверь, кровать...
Ненадобен ни Богу, ни Отчизне.

Широка была страна родная,
Думали – кому её свалить!
А слегли Петры и Николаи,
Некому и поле накормить...

Он теперь в окошке сериалы,
Позабыв себя, глядит, глядит...
И звезда его светить устала,
И лампадка дочкина чадит.

11 июля 2009 г.

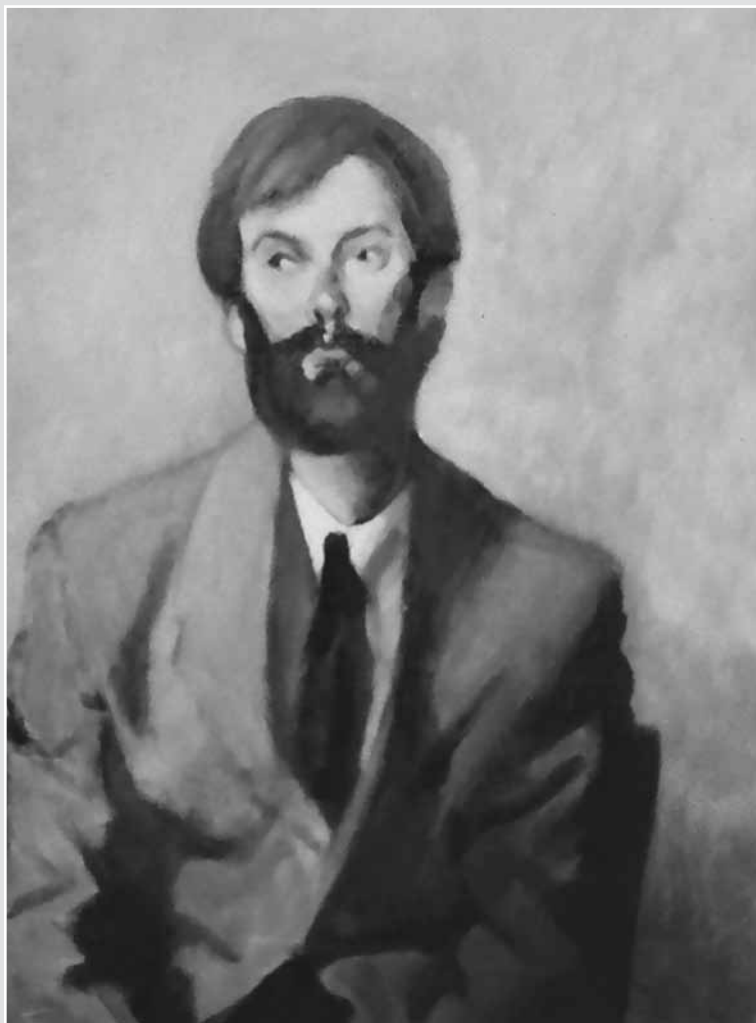
* * *

Когда отыдут от груди
Великовозрастные дети,
Иди на площадь – и труби,
Что нету никого на свете!

Услышит ветер, понесёт...
Рванёшься вслед – не мнужь худого!
Что ж, что ладья ко дну идёт,
Вон флот на горизонте новый!

2009 г.

ИЗ КНИГИ
«ТАК ГОРЯЧА...»
2005

* * *

Если комете вздумается пройти
по улице нашей,
Что ей встретится на пути?
Придётся хлебнуть из чаши
Унижений, теснот, потолков блиндажных высот,
Холуёв, матерщины, убогих калек, сирот,
Лавочных ветеранов, гитарных юнг,
Бесполого бомжика, всовывающегося в люк
Водосточный: теплее там, чем здесь...
Поцелуй, комета, оставь свою прежнюю спесь!
Хвостом не жги, а мети, как казах, тротуар,
В рыжей робе тебе не страшен пиар.
И когда в ночи постучат тебе по трубе –
Не пой, мол, песен своих, не мешай судьбе
Народной играть в телешуры и видеомуры, –
Знай, комета, уже вонзаются шпоры
В бока четырёх союзников крылоногих
И архангельский глас долетает уже до многих!

22 декабря 2004 г.

* * *

К высоточкам моим, к петровским шпилям,
Лети, немецкий воронок,
Испытанный на русских горках!

Не вытравить Петра из памяти Руси,
На Яузских холмах лефортовские скобы
Обрамили пруды,
Века дивиться чтобы
Нам ладностью немецкой слободы.

Вздыхать да охать – вот оно житьё!
Не то что наше, через пень колода...
Кого б позвать на княженье ещё?
Кому, как нам, в огне не надо брода?

10 января 2005 г.

* * *

Земля – женщина; мужи засевают её, даря своё семя.
И если она не совсем уж камень,
Господним дождём поднимается племя,
В котором себя не узнаём сами.
Взгляд чужеокий блеснёт вдруг, как нож, на пути;
Успеем ли вымолвить: сыне, отче, – прости!

Февраль 2005 г.

* * *

Бёдра и ноги – её валюта,
Ими и движется, и живёт.
Но, погляди-ка, склонила Анята
К Божьей иконе свой голый живот.
Эту гибчайшую сладкую силу
Как ей оправить в труд-поясок?!
Смилуйся, Господи! Милости – миру,
Чем бы ни бредили, дай на часок!

6 января 2005 г.

* * *

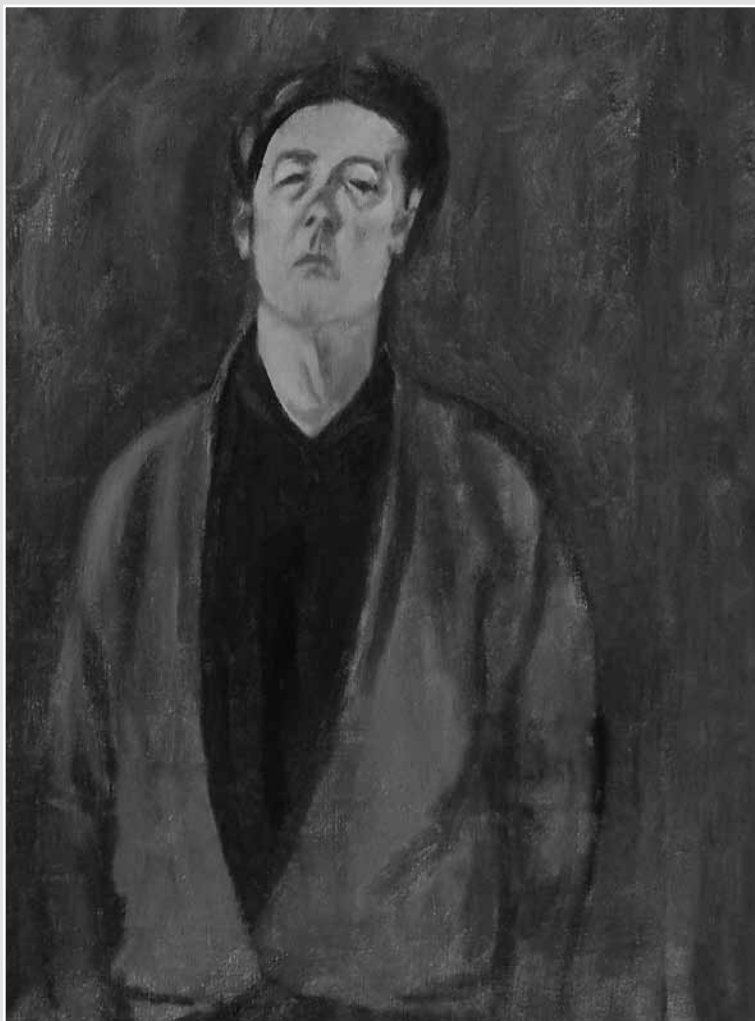
Вот сочельничек нагрянул,
Снег искрится под ногой.
Угодить не трудно в яму
По дороге в мир другой.

Спишь, душа, зеваешь сладко.
Всё тебе: подай! прости!
Ну хотя бы для порядка
Прослезись и погрусти.

Всё ж была святого рода
У Родителя в саду.
И природа – вся природа –
Пела под твою дуду!

Где же ныне сила-слава?
Утешаешься вином,
А небесная держава
Вьюгой воеет за окном.

5 января 2005 г.

* * *

Лют я петь, запою — и по-другому заживу.

Признание одного из старцев,
исполнителя духовных стихов*

Обраимим, друже, веру
По-русски — в чернозём,
Чтоб хитрости химеру
Топить всечасно в нём.

Ведь был на гидру брошен
Не первый молодец,
Рождённый быть хорошим, —
Не твой черёд-венец.

А попугайка-дурень,
А забулдыжка-вор
Пусть идут в Верхотурье**
По сердцу иль на спор!

А там земля-могила,
Исторгшая гробы —
Гляди! — сама вскормила
Их для иной судьбы.

Вития, вождь и ратник,
Молись на тех калик,
Что плачут в рваный ватник,
О том, как Бог велик!

19 января 2005 г.

* С. В. Максимов. Избр. произв. М., 1987. Т. 2. С. 470.

** Верхотурье всегда было местом ссылки и заключения, но именно туда пришёл спастись праведный Симеон Верхотурский. После смерти имя и могила святого забылись: тогда гроб его сам стал выходить из земли и явил нетленные мощи. Многие там обретают веру.

Севастополь. Северная

1

Явлю множество знамений Моих и чудес
Моих в земле Египетской.

Исх. 7, 3

Сквозь виноградную лозу звезда звенит и колет.
Кузнечик впрыгнул в круг зубчатый,
Испугался: весь на виду, присел, откуда-то из бо́ку
Достал два стрекозиные крыла, скакнул — и канул
В тепло и темноту приморской ночи.

Не видно красной глины,
А ею, как прошвою, прошит откос песчаный.
Иль крови залежи? пласт драгоценной жертвы?..
Но чьей? когда? за что
такое приношенье совершилось?
И было ль принято, свершилась ли,
не запоздала ль милость?...

Сыпучий берег приручённой дюны
Своею тайной к морю обращён,
Домам людей не надо помнить это,
Лишь рыбакам нет-нет да снится сон,
Что в сеть поймалась красная комета...

22 февраля 2005 г.

2

Всё высохло. Степь
В свой мешок раскалённый поймала сады.
И город героев томится от суши, листву изожгло.

У Графской, где судьбы рвались,
Карнавальный парад:
Юнцы для дедов ракеты по целям пускают!

Попал! Промахнулся! Достал! – веселится народ, –
Ура! Не забылося ратное дело! Воюем!
А к ночи цветы фейерверка займут небосвод...

Эскадру, уснувшую в море, помянем и сплунем,
Чтоб нас миновала подобная грозная честь,
Чтоб всё ж докурить, долюбить нам, допить и доесть!

Март 2005 г.

На темы Гейне

Отточенность ноги
В пространстве чертит круг –
 «Большой» танцует!
И новый русский люд,
 с дворянскими значками на груди,
В партере бархатном ушкует.

Подновлены предания отцов,
Кремль марципановый златым зубком надкушен,
И вечный бой сменён на вечный зов –
«Официант!»

Смеёшься? А и ты послушен...

Февраль 2005 г.

* * *

...а если было две жены?..

Одноног и прокурен
И боль матерком усмиряет —
Всё смешком с коньячком,
Принесённом в палату роднѣй.
Схоронить же к маме в могилу себя завещает,
Чтобы любе-жене не встретиться с горе-женой.

5 января 2005 г.

* * *

Врастаем в землю, как деревья,
пускаем корни.
За камни держимся,
за небо как держаться?
И верим – как не верить! –
но хотели б
Своё не потерять, а приумножить.

Господь щадит –
И скарба чудо-горы
Растут, тесня, щемя, давя, страша,
По берегам уже затоптанной Чечоры...
Но как своё отдаст душа?!

Не дурочка ж в кардебалетных перьях,
В папахе атаманской,
В красных клёшах,
Что шла вчера сквозь строй благочестиво
молящихся о мире и удаче!

Кричит, простил ли долг?
Не врал, не крал ли?
Всех тычет пальцем –
А любил ли ближних?
Нет, ты сейчас скажи,
сейчас сознайся!

Да вывести её!
Зачем пустили

В собор такую ряженую фифу?!
Прочь с глаз, шутиха! Нынче осень
У нас разучивает праздничный канон,
Народ ей вторит дружно и степенно –
Безмолвствовать кому теперь охота?!

Февраль 2005 г.

* * *

Прежде чем отвечать прохожему,
Посмотри, не сумасшедший ли
перед тобой?

Ему, хоть и образу Божьему,
А песен своих не пой!

На вавилонских твоих перекрёстках, Москва, –
Пленников, странников!.. Бегаем, дышим в затылок...
С гнева ли вышнего высохла эта смоква?!
Перепилили горы... в горы опилок...

Смотрят глаза,
ноги идут, головою качает,
Правая – против! левая – за!
Кличет, встречает...
Пуганый ветром
Емеля-Степан-карла Наполеон...

Был, вроде, пан,
сказали – «пропал!»
Вот и вышел вон.

Окает, акает, цокает тьма
с Данилова да Твери...

Не различает детей зима:
Поди – и всех подбери!

31 января 2005 г.

* * *

Педагогика – это свекровь,
Всё ей чисти, да чисти!
Батрачь – а уж там любовь
По праву и чести.

А тот, который в спутники был снаряжён,
Всё норовил то в кусты, то – на рожон.

Поэзия вроде – женщина, а вроде – мужчина.
Пушкиным бита, Гоголем венчана –
дедовщина...

Вот её и затюкали: цыц да цыц!
А сколько с собой приносила лучей-синуц!

Галдёж, дребедень, а когда – и слеза, и гроза...
С одой вот туго, но слыхивали голоса...

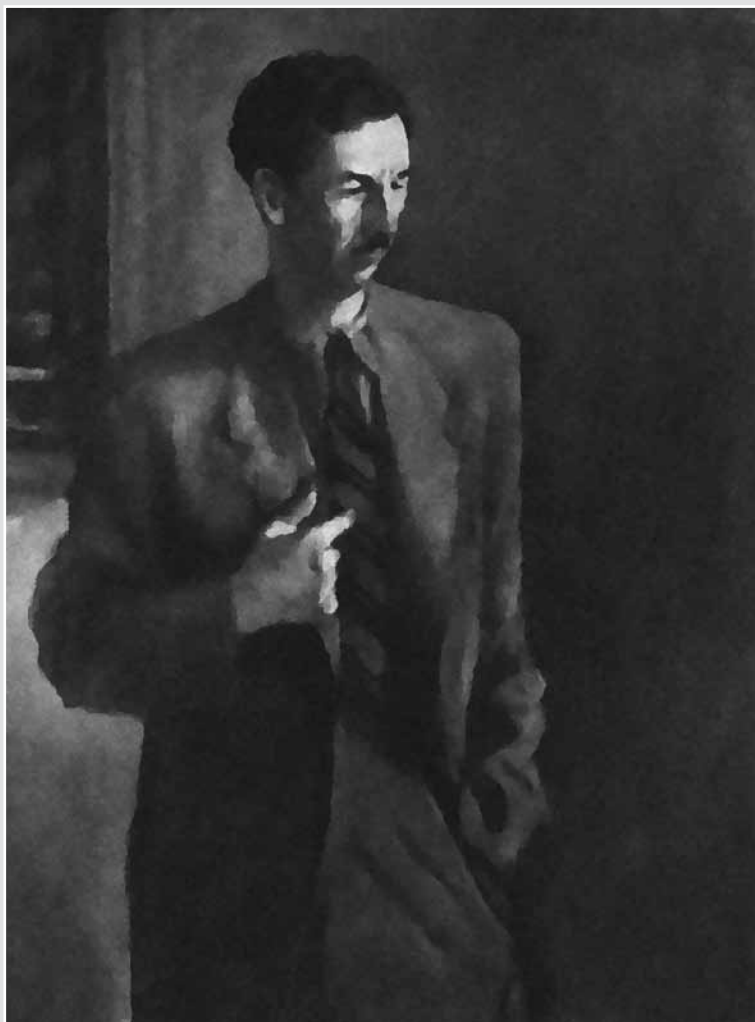
Чином посольским пройдут по шелкóвым коврам:
Где тут у вас, государь, Исаак, где Авраам?..

Что за потешки любит твой грешный народ?!
– Белкам – орешки, а прочим охранникам – мёд...

Ухарь-купец на Москве – торгуй, чем ни есть!
Людом, землёю... да только тоски не заесть,

И не запить... не забить, как сбежавшую тень!
Ты что ль, Ивашка, без тени? Иль оборотень?

5 января 2005 г.

* * *

Разве вещь хозяин слова?

О. Мандельштам

Что случилось со словами?
В пляс они идут!
Машут чудо-рукавами,
Сгрудились в редут.
Вновь рассыпались горохом –
Поди собери!
Будто спьяну, ненароком
В строчку забрели.
Почему вас отвязали
От своих вещей?
Вы как будто на вокзале:
Чемоданчик – чей?
Говорите всё же прямо –
Кто, куда и что?
Справа яма, слева яма,
Ямов много – сто!
Как без слова, как без света
Ног нам не сломать?!
Врать – опасная примета,
Говорила мать.
Вот, поди ж ты, и сбывалась
На моём веку...
Что там кажут, деда Вася,
Нам по телеку?
Шибануть бы с прежней силой –
Слово тоже плоть!
Что останется от мира
Подберёт Господь.

6 января 2005 г.

* * *

Бушует сосед,
 пиявочкой белой укушен.
Все возмущаются —
 грохот стоит по ночам,
То заливает водою,
 то страсти послушен,
Стонет и плачет и бьёт её по очам.

Светушка-Зима
 спрятала выходы-входы,
Ставит подножки —
 невесел пенсионер.
Мальчик с гитарой,
 с серебряной в ухе серёжкой
Вытянулся на пороге,
 а рядом — милиционер...

Народ ли? Срастёмся ль в народ,
 как в години лихие?
Когда татарву, немчуру, и поляков, и галл —
Да кого «за Можай» не гоняли
 в леса во глухие!
...Выносят уже...
 а вчера по ступенькам шагал...

Метелька, умой, оботри!
 Не ищите причины!
Любви не хватило.
 Да где её нынче возьмёшь!

Народ ли? Молчим –
 ни смешка, ни плевка, ни кручины...
Права да призывы –
 направо ль, налево пойдёшь,
Всё камень на камень,
 кирпич на душе да кирпич.
В такие залезли уж сани,
 поди... отдыхает Ильич!

31 января 2005 г.

* * *

Аттракцион «Земля»

Н. Леонидова

Пока один молитвенник стоит
В своей подземной келье на молитве,
Крутится карусель, земля летит,
Любимый к любящему всё благоволит,
Дитя здорово и читать велит
О богатырской силе и о битве.

Январь 2005 г.

ИЗ КНИГИ
«ПРОГУЛКИ
ПО ВОДЕ»
2002

Из Обской тетради

1 Обская пойма

Разлив сибирский в небесах разлит.
Покоит сердце, земледельца злит.
Деревья аки по суху бредут:
За ивовым берёзовый редут.

Размежен синью изумрудный пласт.
Леса ступили на стеклянный наст,
И поплавок надтреснутых дома
Несёт спина кита... или сома.

2

Она давно покорена
Совсем не Ермаком:
И вот уж церковь снесена,
И вождь с рукой снесён.

Так сносит землерой-Иртыш
Свои же берега.
Где был родимый дом, глядишь —
Там глины оберёга.

Бойцы-берёзы под откос
Сползли плечо к плечу.
А этот ельник в землю врос —
И смерти не хочу!

3 На Оби

Расслоили жемчугом лазурь,
Заводей одурь, ольхи – дурь.
Как блажной, куражится закат,
Иль заре неназванный брат?

Кистенем-тко ребятки зазвелят,
Побалуют, поиграют, пошелят,
Беловодье, белоренье,
Стынь да стон.
Лихомань да разоренье,
Пьянь да сон.

4 Белая ночь

А по левому борту
Комарьё, темь,
Белая ночь,
Как чёрный день:
Берега топки,
Дерева тонки,
То ли есть рука?
То ли нет руки?

А по правому борту
Высота, звень.
Белая ночь,
Как красный день!
Жёмчуга трели,
Заводей хмели,
Хватай муксуна,
Емея!

<...>

7

Белые реки раскинули руки –
Купол небес поддержать.
В сгнивших домах уцелели старухи –
Это ли Родина-мать?

Всех унесло, заморило, забило,
Спутало, съело, ожгло...
Что ж не погасло дневное светило?
Светит и светит оно,

Нам отпуская недели и годы,
Месяцы, дни и часы.
Катят и катят сибирские воды
Мимо своей же красы.

Что за судьба удалых да везучих –
Всё-то им пить, да поить.
Лишь Абалак зацепился за кручи,
Чтобы молитву творить.

Там, где Иртыш в объятиях Оби,
Хотелось бы, конечно, – о любви.
Но камень сердца только слёзы точит,
Расцвести не может... иль не хочет?

Всё видится ему сожжённый храма остов,
Изб, рухнувших нуждой, замшелый, мёртвый остров,
Да рыбаля приветливый оскал:
«Хлебните бражки!» – чёртом прискакал.

Мятежный дух, морочишь водный край!
Здесь за моторку – камня каравай
На шею, и суди потом, ряди:
Кто прав? Как жить? Что впереди?

9

К земле деревеньку прижало,
Облаком придавило,
С березнячком связало,
К топкому берегу прибило.

Слева протока и справа.
И впереди, и сзади.
Вот она, Божия, справа –
Пустынничествуй Христа ради!

Да ворон с куском – не был!
Да манну сдуло ветрами!
Заклучено небо –
Лишь поднебесье над нами.

Июнь-июль 2001 г.
Сургут–Тобольск

* * *

За десять прожито полвека.
Страна раскручена в юлу.
Всё на потребу человека,
Мятущегося на юру.

Тряпицей ловит ветра лихость —
Куда положено нестись?
Какой потребна меры дикость,
Чтоб на небе скорей спастись?

17 декабря 2001 г.

* * *

У этого поколения болезни другие:

Война на коленях

И голод в мешке на спине.

Конвойные руки работы,

Как петли на вые,

Да гвоздики правды

В необоримого сердца стене.

Казалось, и песни у них,

И земля преродная:

Строили, сеяли, крепили, стояли и шли.

А приказали, так головы дружно,

Как шапки по окрику, сняли.

Безбилетную веру

С осенними листьями в парке сожгли.

Август 2000 г.

Деды – комсомольцы-целинники,
братско-строители.
Отцы головою пошли –
лиро-физики.
А детям в наследство достался
лотошный рядок:
На каждый роток-глоток –
рекламный платок.

Август 2000 г.

Прогулка по Москве

Мои стоят, на Спасской бьют и бьют.

Ольга Сергеева

Любой, хоть маршальский мундир!

С любым раненьем гимнастёрку!

В любых деньгах!

В любом углу!

Любой матрёшки поцелуй!

Ты ль, белокаменная?

Твой раёк тебя ли тешит?

Неужто выживем и в этот хитрый раз?

На Спасской бьют, Блаженного окрас

Всё тот же, Минин зеленеет над Пожарским,

И царь у нас стреляет покурить...

Июнь 2001 г.

* * *

Ты глянул. Не суди, брат.
Я иду, как тысячи других проходят мимо,
Своей судьбой ловима и гонима,
Что до тебя мне,
Грязный мой!
Без возраста, без пола, без пальто,
В такой мороз,
Побитый спозаранку,
Мычишь, шевелишься не то?
Кто ж выстрелил и не нашёл подранка?
Безногая, поди, у головы,
Куда мне деть глаза –
Тебя не видеть?
Всплывает школьное: терпеть, обидеть,
Зависеть, гнать, дышать – увы...

10 декабря 2001 г.

* * *

Монах сменился скрипачом,
Фальшивишь, брат пилика!
На Комсомольской бьёт ключом
Жизнь Родины великой.

Народ по-войсковому прёт,
В тележках чемоданы,
Скрипач не слышит, врёт и врёт
От Баха до Адама.

20 апреля 2002 г.

* * *

Зима. Крестьянин, торжествуя...

Мужики нахохлились,
Бабы замотались,
Мерседесы-Ауди
В городе остались.

Прочие же лошади
Враз не завелись.
А на Красной площади
Снегурки завелись!

17 декабря 2001 г.

* * *

Монашек молодой старуху учит жить.
Глуха, беззубая, кивает.
Не тяжело ль солому жизни ворошить?
В тарелку денежку не забывает –

И рада: к Богу повернул
Меня сынок, да говорил как умно!..
Чу! Ангел небом прошмыгнул,
Сгоревши со стыда бесшумно.

17 декабря 2001 г.

* * *

Молитвой прорубь прорубить,
Аукаться воде и слову.
В электрошоке жизни быть
Водоразделу и улову.

Хоть снасти-силы прорвались,
И сердце вспыхнуло испугом,
Все ж рыбьим серебром наполним высь,
Спасаясь друг за другом!

10 декабря 2001 г.

Из цикла «Апрель»

1

Нагой апрель. Теплынь который год.
Попробуй не поверь – как в бубен солнце лупит!
Над головой всамделишная трель,
И дятел липу крепко любит-рубит.

Какая силища в оврагах поднялась!
Желта, лилова, розова, глазаста.
Не самозванец на престоле – князь!
Всем вольные подписывает – баста!

Уж натерпелись, выползай, труби!
Кричи ту ненаглядную свободу,
Которую, хоть жги, или травы,
Или бросай в отравленную воду, –

Всё вынырнет голубою-змеей,
Шелка раскинет клятвенно-лукаво –
И над праматерью кормилицей-землёй
Взойдёт опять, как роковая слава.

2 Перед цветением

Пока ещё не распустилась,
Но жемчуга осыпана горохом,
Вся – ожидание, готовность, торжество.

Идёшь по коридору шумных мамок,
И дядьки держат полог пред себя,
Не смея глаз поднять на солнце государя.

Неведенья царевна, не спеши
Раскрыть объяття лепестков морозных,
И тайны кулачок разжать – и выдать люду.

3

И всё, что может цвести, цветёт,
Овеянное славой Божьей,
Жемчужною объята дрожью,
Нейдёт с ума, из глаз нейдёт.

Взберёшься снизу на бугор:
Овраги силу затаили
Огнепоклонник ратный бор
Восстал во славе, в звоне, в силе...

И соловьиной драмы щёлк,
Треск, цокот, свист прядутся в нить,
В тумана златовласый шёлк —
Возглас зарницы заслонить.

Апрель 2001 г.

ИЗ ЦИКЛА
«НАЗЫВАЕМОЕ
ЛЮБОВЬЮ»
1986-1997

* * *

Прежде построй себя,
Выясни, где стоишь.
Место – важнее всего.
Ах, но ведь время уходит!

Вот он фундамент-бут,
Стены вести самому.
Выбери материал.
Ах, но ведь время уходит!

Дерево, камень, песок, –
Не торопись, пробуй.
Глина, скоба, известь...
Ах, но ведь время уходит!

Выше, выше стропила!
Больше, больше простора!
Вырастешь – не заметишь...
Ах, но ведь время уходит!

Кровлю особенно чти,
Ибо хранимы – ею.
Ах, но ведь время уходит!..

Что ж, разводи очаг.
Если любовь постучится,
Будет куда впустить.

1986 г.

* * *

Дошли. Умножились. О сколько
В дороге мы потеряли лет!
О скольких мы потеряли!
Товарищей, мужей, отцов, детей!
Оставили до следующей встречи,
До поворота, следующего вот-вот,
До следующей жизни, извините...

В лесу свистит, щебечет, шелестит.
Растёт, стрекочет – подставляй ладони
И сыпь, как в закрома: вот куропатка в поле тонет,
Вот луч, как леший, на ветвях сидит...

Барсучьи норы выдолбил Творец.
Трави по ним судьбу, покуда сила
Саму себя не извела, не подкосила,
Пока по белу свету колесила,
Летела, жгла, лукавила, просила,
Пока тебя десятки раз носила
Из одного конца души – в другой конец.

1986 г.

На Харитоньевском

1

Рассыпалась... Цветёт..
Начётчик-скареда, пожалуйста в сторонку –
Георгиевский кавалер выходит из ворот,
За ним – его георгиевский кот,
За неимением ребёнка
Откормленный почти что в поросёнка.

Ах, вишня... И нашла же место!
И светит! И звенит!
Какой дурак тебя назвал невестой!
Христова разве что... Сама себе – магнит!

Эгей, кавказец! Отлучился зря:
Вершина без тебя – не завершима.
К тому же здесь, в Москве, тебе соперник – Шива,
А там, в горах, наложницей – заря.

Мне мячик, мне! Авось, поймаю!
Бей, мальчик, бей! Авось, простят!
Мой был такой же в красно-синем мае.
Нет, этот мой! И мяч! И свет! И сад!

1986 г.

2

Июнь промыл глаза,
на цвет и свет сегодня угомону нету.
Чтоб не ослепнуть – вот,
смотри сквозь тополиный флёр на бедную планету.
Не изошла б, не улетучилась бы вся,
как йод!
И можешь разорвать её сейчас на атомы –
рассыплется – и атом расцветёт.

24 июня 1986 г.

3

Пьянчужка слесарь попросил стакан.
Не дать? Воспитывать приняться?
Щей предложить и яблоко с собой?..

Он стриженую бровь хотел поднять:
О чём, то бишь? Но так и не осилил
Кору надглазья и надбровья сдвинуть.

Древесно-угольная, каменно-литая,
Хранит она божественные недра
От наших попрыгушачьих затей.

И то сказать,
Жизнь за руку схватить –
Попробуй сообрази.

1988 г.

Юбилейное. 1987

Один пушкин, два пушкина, три пушкина, четыре, двадцать девять, и ещё три, и пять, тридцать семь, и десятка. Итого: сорок семь пушкинов, минус касса взаимопомощи, минус подоходный, минус профсоюз. Живите, граждане, благоденствуйте!

Полпушкина сыру, пушкин молока, два пушкина яблочка. Мясо есть вредно, творог уже прошёл, за хлебом улицу переходить — ну его.

Ого! Уже восемь пушкинов! Быстрее! Анна Игнатьевна, здравствуйте, я уже всё прочитала, все три пушкина одолела. Первый больше понравился, второй — хуже, третий — вообще. Могу занести сейчас. Что? Нет. Ни пушкина нет, я же не курю.

Фу! Фу, кому говорят! Извините, пожалуйста, она ещё маленькая, ей только полпушкина было вчера.

«Миллионы пушкинов леса до сих пор гниют в наших реках. Бесхозяйственность поразила сотни пушкинов наших угодий...»

Сколько пушкинов осталось? Ну? Семь пушкинов от А до Б, пешеход прошёл половину пути. Ну? Сколько? Быстрее давай.

Нет, я уже купила, да и дорого — восемьдесят. А какой пушкин-то?

Вот и не мой. У меня меньше нога.

Как это не брал? А пять пушкинов под стулом стоят пустые, это откуда? Друзья принесли? А сколько их было пушкинов, твоих друзей?

«Предлагаем вашему вниманию шесть пушкинов для самых маленьких».

Город угнёзживался, ужинал, подводился счёт истраченным, просмотренным, обеганным пушкинам, и во всех предместьях, во всех окрестностях буря мглою небо крыла.

Февраль. Ура! Перевалило!
Она отступит, ей же ей!
Гори, надземное светило,
И ослепительней, и злей!

Буди! Яри соблазнов тучи,
Бери природу в оборот,
Чтоб силище её могучей
Расцвествь и пасть за родом род.

Февраль 1988 г.

* * *

На площади что-то гаркнешь,
В очереди пробормочешь,
Сыну на ушко шепчешь,
Родственникам заливаешь, —
Всё только правда одна.

С пьяным пофилософишь,
Постовому потрафишь,
С продавщицей полаешь,
С поп-певицей повоешь...

К нам божественной речи глагол
Сам нисходит во тьму,
Чтобы нас в этой тьме не оставить,
И жемчужными ризами чтоб никого не смутить,
Облачается в мытое,
Тепло-пригодно-немаркое, чищенное, трудовое.
Здесь, в узилище нашем,
Дар, учти, окружён смертоносною злобой.
В оба гляди,
Дабы не вызвать её из гроба
Нашей подземной кооперативной души,
Размещённой в гремучем аду,
Где станции ах хороши!
И отделаны мрамором все,
Голубым, золотым, ритуальным...
И престол, чей престол?!
Освещается пламенем жертвенной наковальни?

1990 г.

* * *

Жизнь?

Покуда спит она,
Многоглаза и хороша,
Послушаем, что говорит,
Заточённая в ней душа.
Простучим границы ея:
Съёжилась ли, расползлась?
Пульс прощупаем:
Не изошла ли, лиясь?
Произрастая, мудрствуя, боготворя...
Не иссякла ль – из твари сплавляясь в «Я»?
Спекаясь во множество
Противоборных тел,
Коим вражда положена – как удел,
Коих болезнен самый совместный свод,
Коих раздел – да не пресечёт род
Человечий, тоскующий, Божий, –
Звезда в кулаке!
Повсюду устроивший брачные ложа,
На каждом
Свободном от казней
Гнилом пятаке.

1990 г.

* * *

Ну наконец-то снег! Мы заждались.
Он кровь покроет нашу и жестокость.
Он жертвы убелит и умирит борцов,
Неистовствующих в гордыне.
Снег, снег... Да не так ли благодать
Летит к нам с неба на руки прохожих,
На шапки, на пальто, на тротуар?..
И дворники её гребут лопатой
В сторонку, чтобы сильно не мешала
Проходу и проезду. Снег идёт,
Как сотни лет он шёл до нас,
Как будет и после нас идти... А благодать –
Поверить бы! – не истощится ввек!

Осень 1993 г.

Крымские зарисовки

1

Мальчик с питоном ступает по древней земле.
Что ему шепчет тавров колючее эхо?
Птица парит под ногами – не частое диво.
Горы грядками в мареве тают и тают.

Низкое море само людям в руки даётся.
Себя засмиряло, смотри, до тиши и глади.
У горизонта совсем потеряло душу.
Вытекло всё, сделалось дымом и небом.

Вечно цветущее древо стоит на скале.
Здесь мусульманский святой обрёл утешенье.
И экскурсанты верёвочками и платками,
Пакетами, банками, нитками...
Пряжки, заколки...
Шнурки, ремешки, коробки, сигаретки, газетки –
Всё повешали в знак народившейся веры.

Но одинокий подвижник, стяжавший хулу
Славы курортной,
Не мечет проклятья и громы.

Что за терпенье у Бога?!
Ласковый шелест.
Что за любовь!
Поживи, поиграй, побалуй...

28 августа 1997 г.

2

Экскурсант к стеклу приник,
На лету глотая виды,
Он – и мальчик, и старик,
У него усы завиты.

Оторвался от своих,
Всюду гость полужеланный.
Он и ловок, и речист
С местной девушкой жеманной.

3

Как тёмный лучик,
Перетекла дорогу ящерка-царица.
Её обличье – Таврии древней,
А живостью со струйкой может спорить.
Как съединилось!
Как сплелось!
Как спелось!

Август 1997 г.

* * *

Жара нагрязнула в апреле
Негаданно для наших рощ.
И птицы разом зазвенели,
Свою показывая мощь.

Черны древа на косогоре.
В ручей не ступишь ледяной.
И жадная земля, смиренная в затворе,
Уже напоминает нор свой.

1995 г.

На Волхонке

О честолюбие, твои постройки
Куда как высоки!
И мрамором отделаны,
И бронзою обрамлены.
Скульптурные портреты дружно славят
Тебя над каждыми воротами.
И золотые купола тобой надуты
И отблески заката ловко ловят.
...И небо терпит этот Вавилон —
Который уж по счёту?

6 сентября 1997 г.

* * *

И я сказал: вот я, пошли меня.

Исайя. 6, 8

Ау, поэты!
Время на дворе лихое.
Опишет кто его?
И кто его споёт?
Кто нам послужит –
Угль в уста приемлет?
Кто за Исайей вслед?
...Никто нейдёт.

19 сентября 1997 г.

ИЗ ЦИКЛА
«ПЕРЕКРЁСТОК»
1985 - 1986

* * *

...И тщетно я ищу среди родни
Судьбою меченых и праздных.
При деле все.
Вот резчик нарезает облака
Над бывшим домом.
Вот пастух, свирели не выдавший,
Клин журавлиный гонит.
Женщин череда
Отрадно каждый год рождает,
Что надобно земле...
Где песенник?
Где скоморох-ломака?!
Где богомаз-могильщик?!
Ни следа...
И не было, как говорят,
Попыток бегства.

1986 г.

* * *

Подмосковье чёрно,
Особенно в ноябре.
Чёрный калёный грач,
Как в норе
Выросший крот –
Вот он идёт.
Почему-то не улетел...
Или отстал?
Или совсем захирел?
Или устал?
Или на мать,
На природу,
На рабовладелицу поднял бунт?!
Горсточка пуха... Фунт
Доблести. По-нынешнему
 всего-то четыреста грамм.
Ну какой он, к чёрту, пример нам!

19 ноября 1986 г.

* * *

...И даже не глина.
Ибо глина
Стремится к единственной форме.
Обжиг её умерщвляет:
Уже не материя – вещь.
Свободна от жизни,
От этой руки беспощадной,
Которая давит и мнёт,
И хочет чего – непонятно.
Свободна быть амфорой,
И только ею.
Венериным торсом,
Или её рукою –
Но никогда уже
Всем сразу
Одновременно,
Никогда уже –
Человеком.

* * *

Висишь на фоне неба.
Я и паутинки твоей не вижу.
Так, звёздочка тонкая...
А вон как на мошку кинулся!
Одну проглотил, а другую,
 которая больше,
Стал пеленать и покусывать
 ловко и часто.
Да по сравненью с тобой
Все мы добры!

1986 г.

* * *

Берёза была велика.
Боялись во время грозы,
Что упадёт и придавит.
Дружно решили спилить,
Да как-то не собрались.
Вот иней, нашедший её,
И разорился!
Истратился вдрызг!
...Ещё бы! Республика целая
Протянутых рук.

* * *

Он оглох на войне и ослеп,

И здесь ничего не учует.

Дерево стонет-скрипит,

Девочка плачет-топочет,

Женщина губы кусает...

Он только «смерть» понимает

И только – «не смерть»:

Два цвета всего

У него в распоряженье.

* * *

Гражданский пафос – позвоночный столб.
Коль не окреп, из люльки не подняться.
Окаменел – и к месту приковал.

Привычка к бою, склонности к сомненьям –
Два противоначала – вот секрет
Здоровья русского.

1985 г.

* * *

Продавщица Клава
Вовсе не лукава.
Много не ворует,
Сдачу не берёт.
За перегородкой
Дёрнет рюмку водки
И опять воркует,
Веселит народ.

А у Клавы внучка,
Слезынька-тянучка,
А у Клавы хворый,
Непутёвый сам,
Дочь за инженером,
Лысым и примерным,
Полтора в месяц —
Мужику ль не срам?!

Не сердите Клаву:
Подходите «справу».

Весна 1981 г.

* * *

От пота и солнца
Выгорела, поблёкла
Спинка халата.
Не порвать утюгом, пока глажу:
Мама привыкла к нему,
Хоть и нескладно пошит,
Хоть и цвет не её.

ИЗ ЦИКЛА
«ПОЗА
БЕГУНА»
1984

* * *

Соблазнилась душа
Красотой бытия,
Залетела в жизнь.

Стала искать себе
Формы и цвета,
В коих расти.

Сделалась смертной,
И плакальщицей,
И вруньей,

И лишней,
И – вон уходи, и – убей,
И – не трогай меня!

Сделалась выдумкой,
Ложью,
Соседкой, глядящей
в замочную скважину спальни.

Всё позабыла:
Куда
И откуда была.

...А бесстрашный бутон
Норовит разорвать тишину.
И пухнет,
И множится цвет,
И пушится...

Радуйся! Сыне!

* * *

...Зачем тогда были бы мы,
если тот, кого мы взыскуем,
уже существовал бы давно.

Р.М. Рильке

Все правы.
И те, что Его рисовали
Во славе летящим,
И те, что главу приклонив,
Возле Лика стояли, прося и лукавя,
И те, что рубили в щепы,
Потому что мы сами боги, —
Нечего горбиться.

А мы проросли после.
Мы ничего не видали.
Только разные книги
Разными голосами
В разное нас сзывали.

Каждый выбрал стремнину
И поплыл наудачу.
А время, ты знаешь,
Течёт неизвестно куда.

Всех разобрали реки.
Всех оседлали горы.
Всех ослепили норы.

Пойду с фонарём по свету.
Ау! – закричу громко.
Дерево выглянет, знаю.
Куст подорожный завьётся.
Может, щенок шелудивый примкнёт,
Да вшивости я испугаюсь...

Полно, обманщица!
Мне – не тебя!

Первый

Памяти Юрия Кузнецова

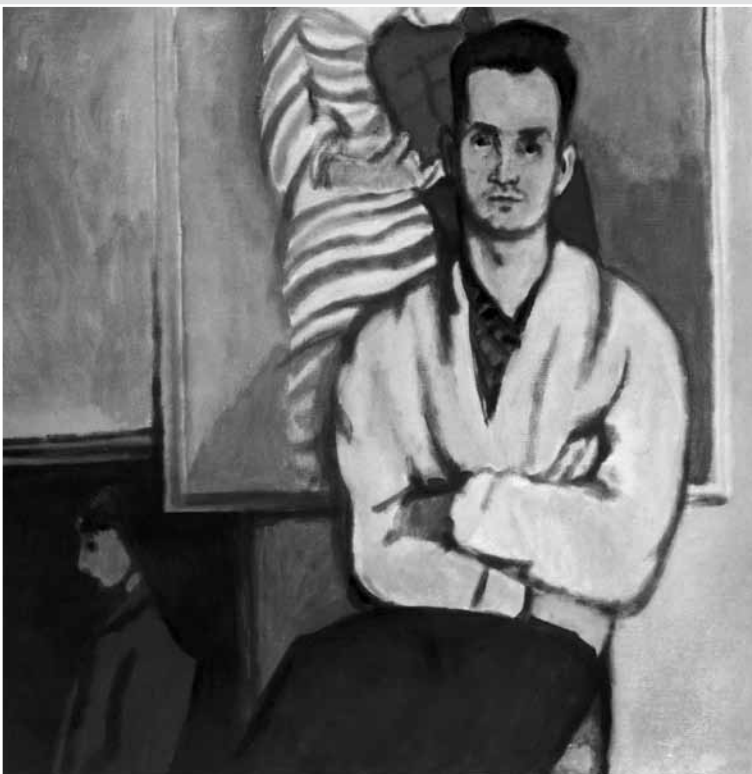
«Но мы же не знали вначале!
Поди там пойми: кто? за кого? и за кем?
от кого? и откуда?!
Мы увидали, когда вспалилась прививка:
Жар и сыпь и повально корабле-
строенье.

Ученикам-то до речи,
Почти как ему до скуки.
Тогда и пошли —
с венками, прощеньем и пивом...»

«Но он онемел и оглох
и, наверно, ослепнет.
Рубаху вчерашнюю выстирал бело-бело
И постелил у порога.
Копьё висело,
За поясом гремела погремешка,
А сам он весь покрылся волосами.
Чур! Чур!
Мы никому не скажем, извините.
А этот вот веноч возьмите: он ваш...
Он ваш по праву».

Согбен.
Облапив раму.
Длинный взгляд укоротил.
Ещё. Ещё.

Совсем обрезал.
Букашка руку силится куснуть.
Не жаль.
Трудись.
Я не спешу.

Элегия

Художнику

А может быть, ошибка?!
Может быть,
Нам должно бы родиться в час единый?
В едином теле,
Из одной утробы?..
Иначе – почему, откуда знаю
Я резь от синего?
И вязкой, душной охры
Инстинкт охранный?..

Если я и ты есть розное,
Зачем преследует меня
Скромный искус красных?
Не довольно ль речи,
Чтоб ум утешить
И впитать родник
Очнувшегося сердца?!..

Твердыня слова
С шёлковой кожей.
Оно похоже
На яблоко
Иль гладкий,
Водю усмирённый камень –
Овал и тяжесть.

Но плоть его –
Из плоти человеческой.

Да, пульс неровен.
Он стремится ввысь и вширь –
Из ритма хочет превратиться в голос.

Да, соблазнил пространство.
Отступая, оно явило линию и грань.

Да, неизбежен цвет,
Как в лупу Левенгук,
Глядим на холст!..

Эй! Горе-собеседник,
Охотник Бог просил живую дичь,
Живую речь.

Портрет

После прочтения книги Б. Ахмадуллиной «Тайна»

Уже ушла от деяний
И тихо сознанием цветка занята,
Его про-ра-ста-ни-ем,
 зреньем, наливом:
Откуда?.. Куда?

Уже не опасна движенью,
Но выследить память реки себе позволяет,
Хотя —
 вторжение, конечно.

Далёко уже от людей.
Видна ещё, но приглядишь,
 прищурься, Сезанн!

Уж контура нет ей
 и цвета,
 и свет отступает...
Спасительной формы куда подевалась когтистая лапка?!
 Пока еще нечто,
 но — чу! —
 оплывает в ничто.

Ангел-радатель спешит доложить о беспутстве,
Уверить в беспутье, беспутности:
 ключ — не река,

И как бы по ложному следу не двинулось братство!
Она нас морочит!
Мы здесь погорюем —
ни-ни...

Но место в пространстве означено.
Способ любви явлен.
Знаком обочным,
Глупою каменной палицей
Вздыбилась Тайна.
С ней ли идти?..
Речи гнездовье дымится,
Мешкает Бог.

Интермедия-84

«Мы варим кашу из гвоздей!
Гвоздь чёрен, как гречишное зерно!
Удлинен, как овёс!
Шляпка его кругла, как просо!
Гвоздь
Можно использовать всюду!
И в чайном, и в кофейном деле!
И в парикмахерско-портновском!
Гвоздь,
Будучи посажен в землю,
Может дать обильные всходы!
Свободу!
Свободу металлоногим!»

«Если вы хотите убить слово,
Сделайте его товаром.
Организируйте рекламу, поднимите цену, —
И очень скоро
Его станут покупать,
А не слушать».

«Глупо противиться!
Весь мир с нами!
Упираетесь?..
Зря!
Вчера нам принесли новые глаза!

Поднимите мне веки —
Я всё расскажу вам
Довольно страдать!»

Звук му-у-чит...
Свет сле-е-пит...
Грань ра-а-нит...
Лекаря! Лекаря!

«А у бея албанского шишка под носом исчезла!»
«Давно бы пора, и Гоголь, глядишь, излечился б».

* * *

Переболеть до десяти – ветрянкой, корью,
До двадцати – невинною любовью,
До тридцати – чужими голосами,
А дальше делать, что умеем сами.

1980 г.

ИЗ ЦИКЛА
«МАСТЕРСКАЯ»
1979-1983

Тушино

Как родина моя невелика!
Две улицы, четыре перекрёстка —
Всё, что успела детская рука
Схватить в игре и росчерке наброска.

Но сколько б ни гоняло нас по свету,
Забывтую, непонятую — эту
Храним во тьме меж разумом и кровью,
Как маленькую варежку сыновью.

* * *

Сомнений нет – теперь её пора.
Взгляни, как свет наискосок двора
Летит и, натываясь на углы,
Очерчивает резче наши лбы.
Вся улица в сиянии окон
Грохочет, обнаружив свой булыжник,
И юноша, поймав чужой поклон,
Несёт улыбку, как безумный книжник!

Москва ещё черна.
Ещё с небес
Поочередно
Дождь и снег струятся.
Но почернел уже Измайлов лес,
И меж корней
Вот-вот ручьи родятся.

Проталина! Гляди!
На том холме,
Который жаждет пересечь дорогу, –
Проталина,
Подпалина,
Ей-богу!
Мы выжили.
Ко мне, весна!
Ко мне!

Поплачем вместе,
Дурочка-швея.
Натрём ладони подоспевшей глиной.
Творец уже воздвиг
И мир,
И Сына.
И свет грядёт.
И ты взойдёшь,
И я!

Пушкин и Пугачёв

...Поэтическое вымышление бывает по разуму
так, как вещь могла и долженствовала быть.

В. Тредьяковский

В 1833 году Пушкин пишет «Историю Пугачёвского бунта», в 1836 — «Капитанскую дочку».

Он рылся сумрачно в архивах.
Сверял казнённых имена.
От рифм голодных и болтливых
Скрывал чужие письмамена.

Он ел и пил, лукавил дамам,
И был особенно учтив.
Его уж не считали «самым»,
Его тем самым не смутив.

Владела им одна затея:
Восстановить событий ряд,
Дать точный список дел злодея,
Быть объективным, как велят.

Да факт пред истиной грешит!
Поэт, ты чуешь, — несуразность...
Окончен труд. Он бел и шит.
Теперь свобода, свет и праздность.

Но неотступно, словно тать,
Влюблённый в пылкое колечко,
Его преследовала рать
Деталей. Огненная печка

Напоминала о кострах;
Нож всё казался остр и ловок;
И тени девичьих головок
Внушали разом гнев и страх.

А ночью... (О былые ночи!)
Лишь мрак окутает чело,
То – крик, то – стон... Ну, нету мочи!
Твориться что-то начало

С нервишками. Он глаз прикроет –
Стоит цыган, скрежещет, воеет,
Трясёт кудлатой головой:
«Здорово, барин, ты живой?»

Фу! наважденье! Фу! Проклятье!
Огня! Вина! Эй, кто-нибудь!..
Да лучше в кадке утонуть...
К чертям собачьим все занятия!

Всю писанину, всё – в костёр!
...Видать, Емеля, ты хитёр...
Арапа эвон как скрутил!
...Где ж я наврал, что упустил?..

К утру, когда заря твердила
О новом непорочном дне,
Он спал в крылатке на окне
И шею тёр, и грудь свербило.

Чем кончился б такой психоз?
Компрессами, микстурой, грелкой,
Да чем обычно. Но вопрос –
Чем этот кончился?

Безделкой!

Черкая на листе блокнота,
Он вывел «П», нарисовал кого-то,
И неожиданно для нас –
Вдруг борода и чёрный глаз!
И так, пера не отрывая,
Не думая, почти зевая,
Сидел. Сочился сок чернильный,
Да длинною строкой, обильной...

Потом заметил – не стихи!
И, отпустив себе грехи,
Забыв подробности и лица,
Писал как на душу ложится.

В окно лилась лазурь на стены,
И занавес тончайшей пены
Скрывал сомнительную даль...
«А жаль цыгана... Право, жаль!»

...Тулупчик заячий потелый
Накинул гвардии юнец...
«Так вот как было это дело!
А я-то маялся, глупец!»

1979 г.

* * *

Ю.В.

Над степью, гикая и злясь,
Гроза зелёная неслась.
Ещё для слуха далека,
Она сжигала облака,
И воспалённый горизонт
Дрожал со всех сторон.

Притих полночный летний мир,
И все, кто в нём и слаб, и сир,
Пытались позабыться сном.
Лишь в доме, списанном на слом,
Среди окурков и трухи
Поэт придумывал стихи.

Он панибратски рокотал:
«Что так беснуешься, Всевышний?
Иль худо вечер коротал?
Иль осознал, что тоже лишний?!»

Бог отвечать ему не стал.
Но, как пред дулом рвут рубаху,
Разъял грозу и виден стал,
И был похож — увы! — на птаху...

Смутился в стихотворце дух,
Возжаждал ливня и обмана...
Но сух был воздух. Твёрд и сух.
И сыпалась на землю манна.

1980 г.

Тридцатилетнее

Есть меты времени на каждом поколенье.
Какой-то общий поворот и взгляд.
Мы выросли в прорёхе безвременья,
О нас теперь почти не говорят.

Отбившийся от стада, отстранённый,
Отцам — чужой, а новым — шут наёмный,
Мой современник точно юродивый.
Нас не успели закормить. Почти счастливо
Росли мы под гармошки и частушки.
В барачных коридорах завитушки
Развешивали мы под Новый год.
И в коммунальных кухнях весь народ
По праздникам дробил в кругу чечётку...

О, цепкий детский глаз! Я помню чётко
Тот лёгкий дух нехитрого общенья,
До выгоды, уюта, накопленья...
Наивно, да тепло... А нынче всё — престижно.
Теперь за Пушкиным — на рынок книжный.
За хрусталём — с отдельного крыльца.
Смотри — как тщательно с лица
Мы удаляем чувства и приметы:
Пострижены, приглажены, одеты,
Как будто и не жить нам и не быть...

Улиточка, тебе уютно ль стыть?
Да вот тоскливо: рожки да серёжки...
Все цацки, погремушки, книжки, ложки

Не хочешь ли отдать за полглотка
Военного крутого кипятка?

Нет. Не оговорились. Эта мысль
Во мне давно гудит. Как же звались
Те девочки? О них лет пять назад
Мне рассказала лётчица... Отряд,
Точнее, полк, девичий лётный полк
Стоял в Крыму. Шёл
Сорок первый. Отступление. Вой.
И вот тогда-то, воротясь живой,
Что странно уж, из боя или ада,
Одна украдкой записала: «Рада!
Сейчас прекраснейшее из времён:
Мы вместе все! Мы счастливы... Как сон...
О только б так и жить!»

...Погибла вскоре. Но не слёзы лить,
Я не о том. Ей жарко умиралось.
И ветер гудел, и пламя билось, рвалось...
Из пекла жизни прямо в пекло смерти!
Как смело смежено! Завидую – поверьте!
Завидую. Нам выпало иное.
За стеною от жизни, с инфантильностью больною,
Мы племя гиблое и гибкое, как плеть,
Под плетью нам и умереть.

Напрасно истерично бьёт закат
В острог престольно-каменного града.
Ему не просочиться – всё преградой.
Уж меркнет, молкнет, глохнет... И набат,
Коль вырвется ещё из чьей груди,

Завязнет в воздухе. Поди,
Поди прочь!

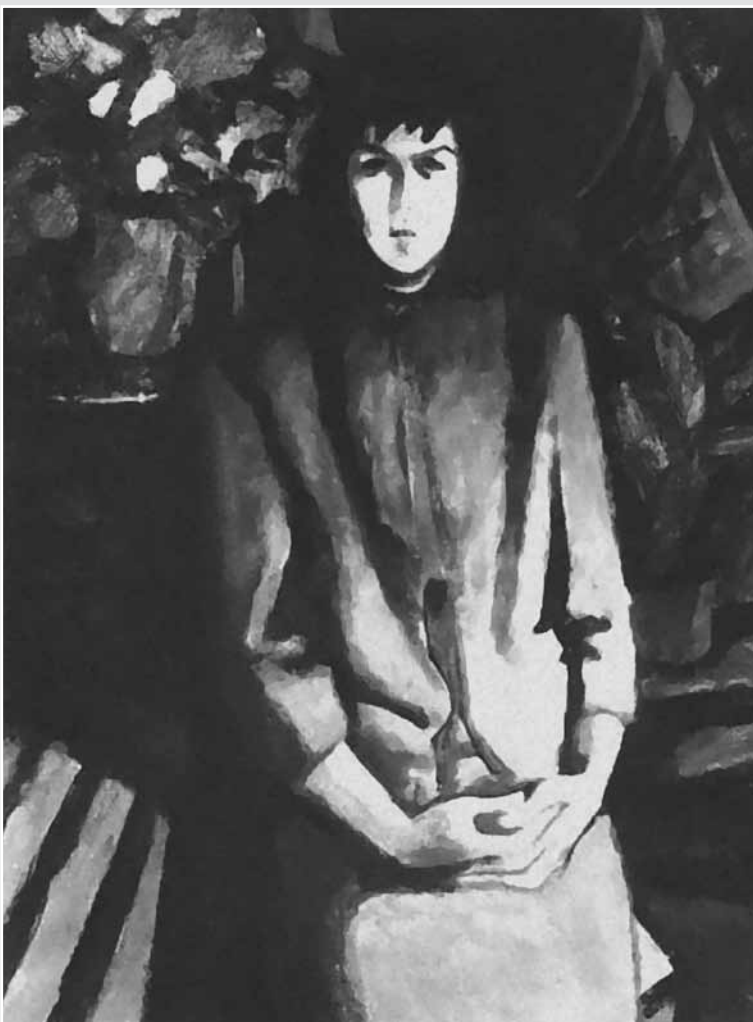
О Господи, над всем ли миром ночь?
Иль это только наша тишина
И наша смерть?.. Она,
Как видно, не в себе, всё бредит.

Да бередит мне ум незванный лепет
Детский — надвигающийся шквал.
Куда им? Как? Зачем их Бог воззвал?
Не крайний ли мы камень?
Не предел ли лжи?

О бесноватенькая Русь моя, скажи,
Не изошла ли духом: кремнь о кремнь?
Баючит поле, а над полем — темень.
Баючит тьма, а там — над нею — синь...

О доченька! Куда рукой ни кинь,
Всё топь над росским краем,
Утопаем... в сини... в сени...
Словес... завес... От бремени
Не разрешиться нам никак...
Да, видно, это вящий знак,
Мы примем на себя заботу тленья.
Кому ж ещё! Пей, полупоколенья.
Как сон, запой над всей страной.
Пей, Русь! И поле пьяно тьмой.
Пей, твой запойный грех
Не меньший ли из всех?!

1980 г.

* * *

«Не говори мне о нём ты, Петро!
Не кровяни мою душу!
Помнишь, как ты в сорок первом в метро
Сталина клал под подушку?»

Стёртый портрет прижимая к груди,
Матери детям шептали:
«Спи, мой родимый, жизнь – впереди,
Сталин и Родина – с нами!»

Ах, кабы силы да прежний запал,
Может, и я бы поверил...
Сколько там тыщ-то?.. Ну уж соврал...
Это не он, это Берий!

Ты не видал, как в атаке на штык
Липнут кишки и волосья!
Ты не слышал, как орал мужик,
В живот набивая колосья...

Правды никто не сказал о войне,
Мы – как сухая окалина...
Но знаешь ли ты, что кричат во сне:
«За Родину! За Сталина!»?

Рыжий Петро не могуч, да умен!
Курит «Казбек», призадумался он.

Дома в шкатулке фабричной красоты
Лежат у меня на буфете
От деда оставшиеся часы,
Остались часы и дети,

А дом отобрали, и бабка с тремя,
Как нищенка иль приживалка,
Ходила по людям, посудой гремя;
Пускали: детишек-то жалко.

А дед словно в воду. Лишь раз написал:
«Пришли сухарей, да поболе.
Любов нашу помни, ребят береги.
Пожрать бы, как раньше на воле!»

На ощупь пройду коридором глухим
За письменный стол, а там
Я перечитаю Ваши стихи,
Осип Мандельштам.

И штору раздёрну, чтоб ночь и ночь
Встретились и расстались.
Но горе горем не превозмочь —
И тени к теням прижались!

Играйте, часы, на ладони моей!
Осколок, не мучь солдата!
В русских реках вода алей,
Чем самая красная дата.

Предавший и преданный втянуты в круг,
В святое отчаянье жизни.
И рукопашный бушует недуг
В молочной душе Отчизны.

1983 г.

Истории сундучок
Не захлопнешь на крючок.
Каждый волен рыться в нём
Со своим слепым огнём.

Что отыщет – не замай!
Только шапку, знай, снимай.

* * *

Я навела уют, варю варенье,
Не ссорюсь с мамой, долго, мирно сплю.
Хожу с детьми гулять за край селенья,
Вот разве телевизор не люблю.
Дом прадедов, кромешная Россия!
Молочный дух, малинник, пруд, овёс...
Да Долгий луг, где прежде мы косили,
Да мой, посаженный на цепь, пугливый пёс.

Не дачница, но приезжаю в гости.
И землю чту, и огородный труд,
К тому же здесь, на Павшинском погосте,
Могилы моих бабушек цветут.
Но что-то есть неправдашнее, злое
В моём вторженье в этот уголок.
И Боженька со стен лицо сухое
Всё прячет от меня в большой платок.

Черёмуха

Черёмуха – летунья,
Русалочий навет.
Черёмуха – колдунья,
Черёмуха – запрет!

Из мусорных окраин
Фонтаном духмяным
Под чёрно-птичьим граем –
Зелёно-белый дым.

Недолго – да широко.
Ненадобно – да блажь!
Противу всех зарок
Черёмухи кураж.

Она в судьбе аллеи
Вершится вновь и вновь.
Её не одолеешь!
Как смерть или любовь.

1979 г.

ИЗ ЦИКЛА
«БЕРЕГ»
1967-1974

* * *

Вроде – рожь, вроде – тишь,
Вроде, дух старорусской земли...
Постоишь, поглядишь
На горбатые тучи вдали.

На корявой сосне
Вдруг заметишь обрывок пеньки.
А приснится во сне,
Будто в поле рвала васильки.

1974 г.

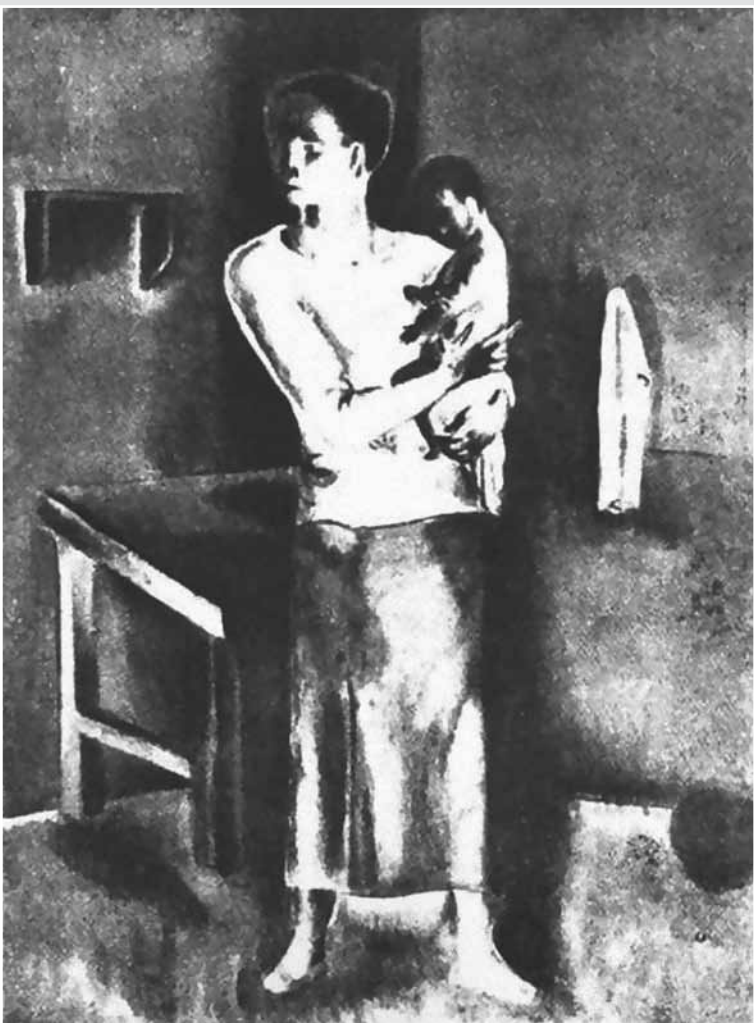
1918 год

Белолобые хаты дремали.
Чёрт ли, ветер в трубе завывал?
И пустые ковыльные дали,
Будто снова беду накликали,
Замыкались в неровный овал.

Быт крестьянский зимой, как лучина:
Поздно встанут и рано уснут;
Каша, прялка, припевка-кручина,
Да мяуканье младшего сына,
Да на праздники – ряженный шут.

Были ль, не были войны и бунты?!
Так же кружит дорога бела,
Так же корки считают на фунты,
Лишь под сенью Христова крыла –
Красный флаг на груди у села.

1974 г.

Павлово-Посад

Замшелые крыши,
Косые ворота,
Белёсый люпин во дворе.
Понурая лошадь,
Жующая что-то,
Ступает по голой горе.
Приветливы бабки
На ветхой скамейке –
Плетут и плетут словеса.
Чернеет старик
Из худой телогрейки
С глазами дворового пса.

О крепкая, ярая, злая –
Весёлая сила Руси!
На крови Петра и Мамаё –
По душам Петра и Мамаё –
Звонили соборы: спаси!

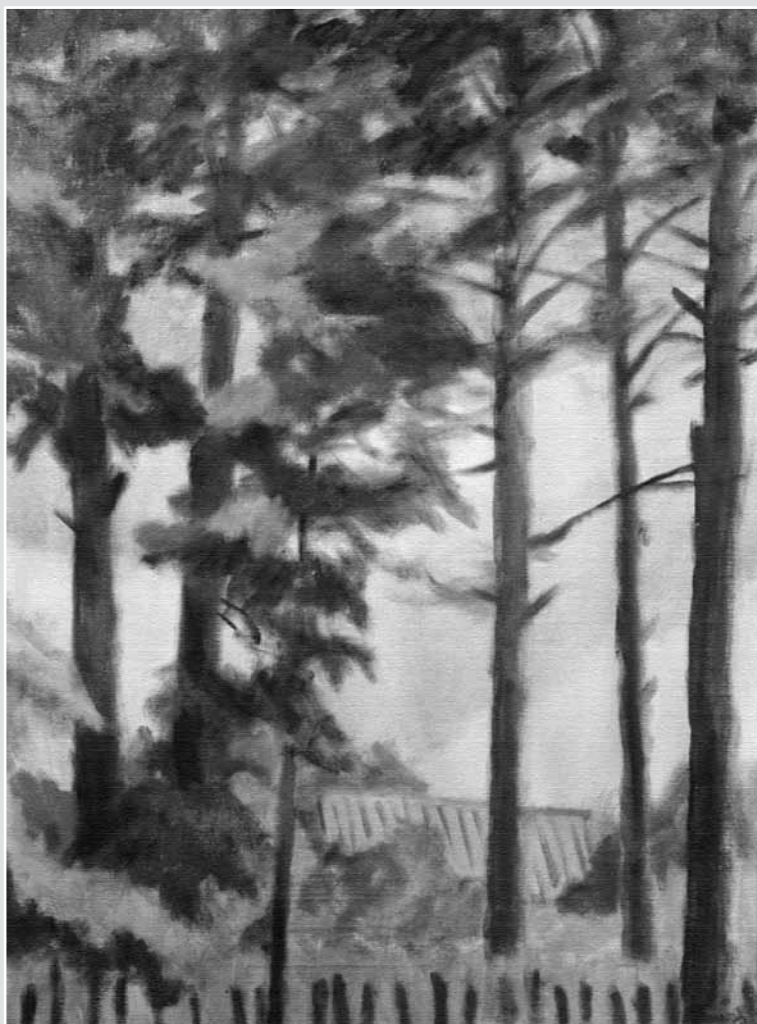
Спаси от пожара и мора,
От засухи – зелёня,
От воина и от вора,
От Бога и богомола,
Но боле всего – от меня.

1974 г.

Стихи, написанные в электричке

Был солнечный день,
Грачи ковырялись на пашне,
Белёлая роща
Поодаль ждала соловья.
Седая кобыла
Смеялась на мчащийся поезд,
Сухой мужичонка
На пне бережливо курил.
А баба стояла
В косынке, повязанной туго.
И крепкое тело
Являло преграду ветрам...
Широкой ладонью
Отёрла вспотевшую шею,
Воткнула лопату
В пахучую землю свою.
И чуть повернувшись,
Завистливо поглядела,
Как я, проезжая,
Махнула кобыле рукой.

1973 г.

Дорога

Так бы ехать и ехать,
Чтоб день не кончался вовсе,
Чтобы дождь на стекле
Всё косые полоски чертил.
Промелькнёт городок,
Не успеет позвать отогреться.
Чей-то пристальный взгляд
Убежит, не успев притянуть.
Расточительный май
Полыхает вдогонку ветвями,
И беременный сад
На пригорке пугливо дрожит,
И стучит под ногой моей
Смелое сердце дороги:
То ли стук колеса,
То ли топот копыт.

1973 г.

Горнист

Памяти Василия Шукшина

Птица без крыльев,
Вождь без коня,
Я в этом мире —
Призрак меня.

Спит на ладони
Огненный лист.
Я в этом мире —
Шалый горнист.

Гром ли ударит,
Вьюга ли жжёт —
Песня изранит,
Песня метёт.

«Эй, музыканты
Разной судьбы,
Песни взвалите
Нам на горбы!»

«Что ж недоволен,
Друг дорогой?»
«Песни мы ждали...
Песни — другой!»

Всё ж не ответим
Чёрным словцом.
Дальше уходим —
В путь за венцом.

Благо, земляца
Добра и легка,
Примет повсюду
Ученика.

1970 г.

Осенний романс

А в Москве Дождь
Влюбился в Ночь,
И каждый вечер
Приходил, робкий.
Бродили по улицам
Ночь и Дождь,
По старой Москве,
По стеклянным проспектам...

Как все влюблённые,
Шли обнявшись,
Я их встретила,
Не могла понять,
Где кончается Дождь,
Начинается Ночь.

До рассвета
Обходили весь город,
Не осталось и улочки,
Где б они не бывали...
А потом она уходила,
И он, пасмурный, хмурый,
Бездомно шлялся по улицам,
Искал везде её.

Он никак не мог понять,
Куда она девалась.
Срывал с деревьев листья,
Залеплял ими лица прохожих,
Чтоб не видеть улыбок...

Но она опять приходила,
Как всегда ниоткуда.
И он плясал от радости
На крышах бегущих машин...

Каждый день она приходила раньше,
А уходила позже.
Любовь?
Нет, осень.
Просто осень.

1967 г.

В оформлении книги использованы работы народного художника РСФСР Андрея Дмитриевича Гончарова:

- С. 8. Изготовление панно «Москва» для Брюссельской выставки. Андрей Гончаров и другие художники. Фото: ж-л «Огонёк», 1958 г., № 2.
- С. 10. Спасская башня. Альбом «Москва». Автолитография в два цвета. Изд. ВХУТЕМАСа. 1921 г. 25 x 16 см.
- С. 17. Портрет маленькой девочки (Девочка с куклой). 1959 г. Х.м. 52 x 72 см.
- С. 21. Портрет кинооператора С.П. Урусевского. 1952 г. Х.м. 102 x 87 см.
- С. 32. Портрет Наташи Дехтерёвой. 1951 г. Х.м. 80 x 60 см.
- С. 39. Портрет Шуры Ечеистова. 1932 г. Х.м. 81 x 67 см.
- С. 45. Портрет искусствоведа А. Каменского. 1957 г. Х.м. 90 x 70 см.
- С. 48. Портрет А. Кара-Мурзы. 1930 г. Х.м. 80 x 66 см.
- С. 53. Парный портрет (в красном и зеленом). 1974 г. Х.м. 110 x 100 см.
- С. 56. Цех паровозной сборки. 1931 г. Акварель, гуашь. 43 x 64 см.
- С. 60. Портрет художника Г.В. Храпака. 1947 г. Х.м. 90 x 70 см.
- С. 64. Наташа (с красными бантиками). 1946 г. Х.м. 70 x 90 см.
- С. 67. Люди и звери. 1974 г. Х.м. 70 x 90 см.
- С. 69. Миша. 1932 г. Х.м. 79,5 x 60,5 см.
- С. 74. Пейзаж. Ильинское. 1935 г. Х.м.
- С. 81. Портрет художника К.С. Елисеева. 1948 г. Х.м. 76 x 72 см.
- С. 82. Портрет Наташи (в профиль). 1958 г. Х.м. 80 x 60 см.
- С. 85. Спиридоновка. Этюд. Конец 30-х годов. Х.м. 60 x 80 см.
- С. 87. Рабочий (сидящий). 1930 г. Картон. 56 x 43 см.
- С. 93. В палате. 1944 г. Литография. 24 x 32 см.
- С. 97. Портрет мальчика в красном. 1948 г. Х.м. 67 x 53,5 см.

- С. 98. Актёр М.А. Ульянов в роли Ричарда III в спектакле театра Е. Вахтангова. 1979 г. Х.м.
- С. 103. Парный портрет с сыном. 1965 г. Х.м.
- С. 105. Портрет Н. С. Изнар. 4-я выставка ОСТ. 1927 г. Х.м.
- С. 111. Трое. 1958 г. Х.м. 99 x 110 см.
- С. 114. Портрет молодой женщины. 1931 г. Х.м. 80,5 x 70,5 см.
- С. 121. Парный портрет. Дмитрий Урнов и Василий Ливанов. 1959 г. Х.м. 101 x 92 см.
- С. 129. Портрет Кирилла Стржижовского. 1972 г. Х.м. 90 x 70 см.
- С. 139. Женский портрет в зелёных тонах (портрет дочери). 1972 г. Х.м. 110 x 100 см.
- С. 145. Женщина в фуфайке. 4-я выставка ОСТ. 1928 г. Х.м.
- С. 148. В госпитале. За газетой. 1944 г. Литография. 24 x 32 см.
- С. 152. Портрет художника В.П. Косынкина. 1979 г. Х.м. 66 x 54 см.
- С. 158. Автопортрет. 1972 г. Х.м. 80 x 60 см.
- С. 168. Портрет художника Б.А. Дехтерёва. 1950 г. Х.м. 120 x 100 см.
- С. 174. Портрет художника Б. Жутовского. 1960 г. Х.м. 80 x 60 см.
- С. 183. Портрет режиссёра Ю.А. Завадского. 1957 г. Х.м. 75 x 100 см.
- С. 194. Портрет жены в красном. 1932 г. Х.м. 80,5 x 60 см.
- С. 201. Портрет Сергея В. Образцова. 1976 г. Х.м. 80 x 95 см.
- С. 205. Наташа в красном пальто. 1956 г. Х.м. 130 x 110 см.
- С. 212. Кормящая. 1938 г. Х.м. 100 x 90 см.
- С. 224. Натюрморт с чайником и цветами. 1931 г. Х.м.
- С. 229. Портрет искусствоведа В.Н. Ляхова. 1960 г. Х.м. 90 x 70 см.
- С. 235. Портрет С.Г. Кореня в роли Меркуцио (балет «Ромео и Джульетта»). 1947 г. Х.м. 85 x 120 см.
- С. 238. Портрет жены с внучкой. 1958 г. Х.м.
- С. 249. Портрет в красном (Наташа). 1962 г. Х.м. 95 x 80 см.
- С. 251. В госпитале. Беседа. 1944 г. Рисунок. 24,5 x 37 см.
- С. 253. Интерьер с фигурой за столом. 1934 г. Х.м. 120 x 144 см.
- С. 255. Интерьер с фигурой в кресле. 1950 г. Х.м. 84 x 99,5 см.
- С. 258. Мальчик. 2-я выставка ОСТ. 1926 г.
- С. 261. Мать. 3-я выставка ОСТ. 1926 г.
- С. 264. Пейзаж. Сосны. 1970 г. Х.м. 61 x 80 см.
- С. 270. Работа над портретом С.Г. Кореня в роли Меркуцио (балет «Ромео и Джульетта»). Фото 1947 г.

Оглавление

5 Предисловие

ВСТУПЛЕНИЕ

- 11 «Красавица моя, как за угол зайдёшь...»
- 12 «Боже, как она хороша!..»
- 14 «Москва Россию предала...»
- 15 «Все ждут дождя, а он ждёт, видно, ночи...»
- 16 «Почти что лысый бугор...»
- 16 «Бабушкин верстак много знает...»
- 17 «Кружка молока...»
- 18 «Дождь принимался восемь раз...»
- 19 «Зима. А комнатный цветок...»
- 20 «Пока мы каялись, разрушили страну...»
- 22 Новогоднее
- 24 «На рисовальной бумаге сына...»
- 25 «Обочина едет, дорога стоит...»
- 26 «Распусти мою обиду...»
- 27 «Клён застыл, берёза, яшень...»
- 28 «Не Рим Москва – Иерусалим!..»
- 30 «Дождался Иов, вот и нам дожждаться б!..»

ИЗ ЦИКЛА «ПРОЩЕНИЯ ЧАС», 2017

- 33 «Ни слова, о друг мой, ни вздоха...»
- 34 «Ворóнье гнездо пред окном...»
- 36 «Уж такие мягкие ветви смоковницы стали!..»
- 37 «Недоумок на лавочке...»
- 38 «Слово правды скажем и бежим!..»
- 40 Две строфы исторической песни
- 41 «А прежде здесь приморское сельцо...»
- 42 «Они писали – как пахали...»
- 43 «Бесплатно солнце льёт своё тепло...»

- 44 «Флажок в луче алеет-реет...»
45 «Поминки на Руси всегда крестин важнее...»
46 «Не шути со словом...»

**ИЗ ЦИКЛА «ЛЮБИ МЕНЯ,
ГОСПОДЬ!», 2016**

- 49 «Не скажешь, русский – какой?..»
50 «Мы проиграли все бои!..»
51 «Люби меня, Господь, люби меня!..»
52 «Календарь на небе нарисован...»
54 «Умри весной! Пусть разорвётся грудь...»

**ИЗ ЦИКЛА «ЛЕТО-ОСЕНЬ-КРЫМ-
ДОНБАСС», 2015**

- 57 «Между Богом и Землёю...»
58 «И что в этой похлёбке красной!..»
59 «Твой сын убил моего!..»
61 «А мы, мы, смотрящие в экран...»
62 Донецкие частушки с телезапевом
64 «Две лжи уживутся всегда...»
65 «Здравствуй, лётчик, ты летишь...»
66 «Недовышита салфеточка льняная...»
68 «Ходят тучи небосклоном...»
70 «Мы жить оставлены пока...»
71 «ЛетоОсеньКрымДонбасс...»
72 «Какие песни Бог даёт?..»

**ИЗ КНИГИ «ДЕРЕВЬЕВ ЛЕСА́»,
2014**

- 75 «Лес идёт по земле...»
76 В твой день
77 «Толст, короток, совсем не грек...»
78 Коктебель. Памятник морякам
80 «Вот эта неживая девочка...»
83 «Дитя, читающее под зонтом...»

- 84 «Мальчик в отчаянии решил не жить...»
85 «Московская сиротская зима...»
86 «Проболталась, проворовалась...»
87 «Вся Россия – село Горюхино...»
88 «Власть опять у подлецов...»
89 «Дирижёры, режиссёры...»
90 «С дождём как оживилось население сада...»
91 «Кот прилёт на бревно...»
92 «Нелюбимая дочка...»
93 «Далеко убежала, заманили Москву...»
94 «Предатели должны уйти...»
95 «Вы же русские берёзы!..»
96 «Дети не брали у фрицев конфет...»
98 «Невыносимый этот снегопад!..»
99 «Конец апреля, пруд ещё не снялся...»
100 «Нет, нет, жива!..»
101 «Здравствуй, Георгий!..»
102 «Есть много способов украсть...»
104 «Дезертиров хороним...»
105 «Бесплатной водочки, колбаски...»
106 «Бомж подал бомжихе грош...»
107 «Ну что, товарищ каша...»
108 «Похоже, мы будем очень рано уходить...»
109 «Ещё и прошлый цвет не облетел...»
110 «Мы жили там, и мы не проклинаям это время...»
111 «Там хорошо, и путь туда открыт...»
112 «Ветры колеблют деревьяев леса...»

ИЗ КНИГИ «РАДОНЕЦ-САД», 2009

- 115 «Какие красивые женщины есть!..»
116 «...Ещё не всю покрыл её...»
117 «Откуда ты такой голубоглазый?..»
118 «Цидония, японская айва...»
119 «На русском много нерусских песен...»
120 «В наших снегах увязали все...»

- 121 «Как надоели эти «американские песни!»...»
122 «Две недели слива горела...»
123 «Папа с новой коляской...»
124 «Отец повязан чувством к сыну...»
125 «У правды много языков...»
126 «Мы встретились ненадóлго...»
127 «Как чудо-занавес серебряный тот век...»
128 «Пока у мальчиков наших под языком...»
130 «Это ты мне приснился с чёрным лицом?..»
131 Признание
132 «Вот и на нашем веку случилось времён окончанье...»
133 «Рвы, рвы руют на Хованском...»
134 Тот русский
134 1 «Тот русский, кто Россию любит...»
135 2 «Тот русский, говорю...»
136 «Не уходи с земли своей...»
137 «Наши мёртвые нас не оставят...»
138 «Это ты? Как, не забыл ещё песни свои...»
140 «Пусть всё засохнет...»
141 «Бродяжка с телефоном на груди...»
142 «Восстановлены залы дворца для новых хозяев...»
143 «Землёй занимаетесь? Пашете, парки разводите?..»
144 «Всем должна и кругом виновата!..»
146 «Не привязывай сердца к детям!..»
147 «Мать – фоном для дитяти...»
148 «Дождь холодней и холодней день ото дня...»
149 «Куда же старика девать?!..»
150 «Когда отыдут от груди...»

ИЗ КНИГИ «ТАК ГОРЯЧА...», 2005

- 153 «Если комете вздумается пройти по улице нашей...»
154 «К высоточкам моим, к петровским шпильям...»
155 «Земля – женщина; мужи засевают её...»
156 «Бёдра и ноги – её валюта...»

- 157 «Вот сочельничек нагрянул...»
159 «Обрамим, друже, веру по-русски – в чернозём...»
160 Севастополь. Северная
160 1 «Сквозь виноградную лозу...»
161 2 «Всё высохло...»
162 На темы Гейне
163 «Одноног и прокурен...»
164 «Врастаем в землю, как деревья...»
166 «Прежде чем отвечать прохожему...»
167 «Педагогика – это свекровь...»
169 «Что случилось со словами?...»
170 «Бушует сосед, пивачкой белой укушен...»
172 «Пока один молитвенник стоит...»

ИЗ КНИГИ «ПРОГУЛКИ ПО ВОДЕ», 2002

- 175 Из Обской тетради
175 1 Обская пойма
175 2 «Она давно покорена...»
176 3 На Оби
177 4 Белая ночь
178 7 «Белые реки раскинули руки...»
179 8 «Там, где Иртыш в объятиях Оби...»
180 9 «К земле деревеньку прижало...»
181 «За десять прожито полвека...»
182 «У этого поколения болезни другие...»
183 «Деды – комсомольцы-целинники...»
184 Прогулка по Москве
185 «Ты глянул. Не суди, брат...»
186 «Монах сменился скрипачом...»
187 «Мужики нахохлились, бабы замотались...»
188 «Монашек молодой старуху учит жить...»
189 «Молитвой прорубь прорубить...»
190 Из цикла «Апрель»
190 1 «Нагой апрель. Теплынь который год...»

- 191 2 Перед цветением
192 3 «И всё, что может цвести, цветёт...»

**ИЗ ЦИКЛА «НАЗЫВАЕМОЕ
ЛЮБОВЬЮ», 1986–1997**

- 195 «Прежде построй себя...»
196 «Дошли. Умножились. О сколько...»
197 На Харитоньевском
197 1 «Рассыпалась... Цветёт...»
198 2 «Июнь промыл глаза...»
199 3 «Пьянчужка слесарь попросил стакан...»
200 Юбилейное. 1987
201 «Февраль. Ура! Перевалило!..»
202 «На площади что-то гаркнешь...»
203 «Покуда спит она...»
204 «Ну наконец-то снег! Мы заждались...»
206 Крымские зарисовки
206 1 «Мальчик с питоном ступает по древней земле...»
207 2 «Экскурсант к стеклу приник...»
207 3 «Как тёмный лучик...»
208 «Жара нагрязнула в апреле...»
209 На Волхонке
210 «Ау, поэты!..»

**ИЗ ЦИКЛА «ПЕРЕКРЁСТОК»,
1985–1986**

- 213 «...И тщетно я ищу среди родни...»
214 «Подмосковье черно...»
215 «...И даже не глина...»
216 «Висишь на фоне неба...»
217 «Берёза была велика...»
218 «Он оглох на войне и ослеп...»
219 «Гражданский пафос – позвоночный столб...»
220 «Дверь открывается взад и вперёд...»
220 «Страшнее обывателя – зверя нету...»

- 221 «Продавщица Клава...»
222 «От пота и солнца...»

ИЗ ЦИКЛА «ПОЗА БЕГУНА», 1984

- 225 «Соблазнилась душа...»
226 «Все правы...»
228 Первый
230 Элегия
232 Портрет
234 Интермедия-84
236 «Переболеть до десяти – ветрянкой, корью...»

**ИЗ ЦИКЛА «МАСТЕРСКАЯ»,
1979-1983**

- 239 Тушино
240 «Сомнений нет – теперь её пора...»
242 Пушкин и Пугачёв
245 «Над степью, гикая и злясь...»
246 Тридцатилетнее
250 «Не говори мне о нём ты, Петро!..»
253 «Истории сундучок...»
254 «Я навела уют, варю варенье...»
256 Черёмуха

**ИЗ ЦИКЛА «БЕРЕГ»,
1967-1974**

- 259 «Вроде – рожь, вроде – тишь...»
260 1918 год
262 Павлово-Посад
263 Стихи, написанные в электричке
265 Дорога
266 Горнист
268 Осенний романс

271 Список работ А.Д. Гончарова

Сурова Людмила Васильевна

О Москве и о России

Избранные стихи

1967–2017

Сайт автора: lv-surova.ru

Редактор: Ирина Рейнова

Корректор: Мария Белякова

Макет, вёрстка: Олеся Бурыкина

Издание: ИП Симагин Д.В.

Тираж: 300 экз.

М., 2019

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

СУРОВА ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА,

писатель, поэт, педагог, член Союза писателей России, бакалавр богословия.

Бессменный руководитель Творческого объединения «Чистые пруды» (библ. им. Ф.М. Достоевского, библ. им. А.С. Пушкина, Москва).

Дипломант конкурса В.В. Маяковского 1982, 1983 гг., М. Волошина 2009 г.

Образование: МГУ им. Ломоносова (журфак), Православный Свято-Тихоновский богословский институт (вып. 1994 г.).

Область деятельности: поэзия, литература, публицистика, православная педагогика.

Проблематика деятельности: литература и искусство как духовная составляющая жизни.

Методика словесного творчества. Развитие языкового сознания. Проблемы творческого развития и духовного воспитания личности.

Публикации: десять поэтических книг, двадцать пять книг по православной педагогике.

Сайт автора: lv-surova.ru